This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK 156 M5 Miliukov Verkhovniki i Shliakhetstvo

Gift of
William Ohlandt

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

П. Милюковъ.

Верховники и шляхетство.

Изданіе „Донская Рѣчь"
Н. Парамонова
въ Ростовѣ на Дону.

Изданіе Н. Парамонова (Дешевая Рѣчь) въ Ростовѣ н/Д

ДИТЯТИНЪ—Статьи по исторіи русскаго права . . . . . 2 р.
РУБАКИНЪ—Искорки (сборникъ разсказовъ) . . . . . 1 р.
В. АЛЕКСѢЕВЪ—Народовластіе . . . . . .
В. АЛЕКСѢЕВЪ—Земскіе соборы . . . . . .
И. БѢЛОКОНСКІЙ—Разсказы, III т. . . . . .
БУЛГАКОВА—Заря Будущаго . . . . . .
БУЛГАКОВА—Современная Японія . . . . . .
ВОДОВОЗОВЪ—Всеобщее избирательное право на Западѣ . . . . . .
ГАУПТМАНЪ—Сочиненіе, томъ 1-й . . . . . .
И. ДИТЯТИНЪ—Екатерининская Комиссія . . . . . .
ЗВЯГИНЦЕВЪ—Общественное движеніе въ Россіи . . . . . .
Н. КАРЫШЕВЪ—Экономическія бесѣды . . . . . .
К. КАУТСКІЙ—Ирландія . . . . . .
К. КАУТСКІЙ—Прот. клас. ист. . . . . .
КАУТСКІЙ—Развитіе формъ государства . . . . . .
КИЗЕВЕТТЕРЪ—Изъ исторіи закон. въ Россіи . . . . . .
КИЗЕВЕТТЕРЪ—Русское общество въ XVIII столѣтіи . . . . . .
КИЗЕВЕТТЕРЪ—XIX вѣкъ въ исторіи Россіи . . . . . .
КИЗЕВЕТТЕРЪ—Протопопъ Аввакумъ . . . . . .
КИЗЕВЕТТЕРЪ—Кузнецъ Гражданинъ . . . . . .
ЛАКОМБЪ—Исторія Французскаго народа . . . . . .
ЛАНГМАНЪ—Бартель Туразеръ (драма изъ рабочей жизни) . . . . . .
МЯКОТИНЪ—На зарѣ русской общественности . . . . . .
ПЕТРУШЕВСКІЙ—Великая хартія вольностей . . . . . .
ПРУГАНИНЪ—Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крѣпости . . . . . .
СТРОЕВЪ—Московское государство передъ реформой . . . . . .
Б. С.—Трудъ и капиталъ . . . . . .
ЩЕРБА—Исторія русской школы . . . . . .
ДИТЯТИНЪ—Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ ист. Московск. госуд.
А. ГОРБУНОВЪ Гарантія неприкосновенности личности . . . . . .
А. ЖИВАГО—Освобожденіе швейцарскаго народа . . . . . .

1. КОРОЛЕНКО—Пріемышъ . . . 2 к.
2. ДМИТРІЕВА—Майна-лира . . 3 к.
3. ЧИРИКОВЪ—Маленькій грѣшникъ . . . . . 1 к.
4. АНДРЕЕВЪ—Баргамотъ и Гараська . . . . . 1½ к.
5а. КРЕТЦЕРЪ—Исторія чернаго сюртука . . . . . 1 к.
6. КРАЙДІЕВСКАЯ—Для души . 2 к.
7. ЧИРИКОВЪ—Сказки . . . . 2 к.
8а. Н.-ДАНЧЕНКО Старый замокъ 3 к.
9. СВИРСКІЙ—Забракованный . 2 к.
10а. КОСТИНЪ—Ошибка . . . . 3 к.
11. ДМИТРІЕВА—Ее всѣ знаютъ . 3 к.
12. СТАНЮКОВИЧЪ—За „Щупленькаго“ . . . . . 2 к.
13. МИТРОПОЛЬСКІЙ—Вода . . 2 к.
14а. СЕРАФИМОВИЧЪ—Месть . . 3 к.
15. МЕЛЬШИНЪ—Искорки . . . 3 к.
16. МЕЛЬШИНЪ—Чертовъ Яръ . 4 к.
17. АНДРЕЕВЪ—Гостинецъ . . . 2 к.
18. АНДРЕЕВЪ—Петька на дачѣ . 2 к.
19. ДМИТРІЕВА—Мама на войнѣ 3 к.
20. АНДРЕЕВЪ—Въ Сабуровѣ . . 3 к.
21. БѢЛОКОНСКІЙ—Страховка . 2 к.
22. ИВАШЕВА—Мой день . . . 2 к.
23. КОРОЛЕНКО—Ночью . . .
24. ТИМКОВСКІЙ—Среди людей
25. РУСОВА—Біографія Гарибальд
26. СЕМЕНОВЪ—Отчего Параш не выучилась грамотѣ . . .
27. ЗЛАТОПРАТСКІЙ—Мечтали
28. КУПРИНЪ—Ночная смѣна .
29. ОЖЕШКО—Гедели . . . .
30. ЮШКЕВИЧЪ—Хамика и Іоськ
31. ВЕРЕСАЕВЪ—Въ пути . .
32. ФРАНКО—Самъ виноватъ .
33. АЛЕКСѢЕВЪ—Изъ за хлѣба гушнаго . . . . . .
34. СЕРАФИМОВИЧЪ—Стрѣлочникъ . . . . . .
35. ВЕРЕСАЕВЪ—Въ сухомъ ту манѣ . . . . . .
36. МИТРОПОЛЬСКІЙ—Отсрочка
37. ЯБЛОНОВСКІЙ—Удружилъ
38. ФРАНКО—Хорошій заработок
39. МАТЬ—(съ армянскаго) . .
40. ОСТОЙ—Подешевъ . . .
41. Некрасовъ и Никитинъ . .
42. БУНИНЪ—Байбаки . . . .
43. ПЕТРОВСКІЙ—По гдѣ . .
44. ДМИТРІЕВА—Бѣлыя крыльк

Exchange

DATE OF ORDER | ORDER NO.

NO. COPIES

Miliukov', P.

VERKHOVNIKI I SHIAKHETSTVO.

Donskaia Rech'
1905

SHELVE	Stack	REQ. BY	Fanger-Emmons	DEPT.	Slavic
FUND	LC-O	ACCT. NO.		PRICE EST. $	

VENDOR:
DATE REC'D: 1/31/68

SUL-7a (7-67)

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

90 n/65

Miliukov, P.N.

cmbo.

24.9.43

DK 156
M5

Дозволено цензурою 19 Октября 1904 г., Ростовъ на Дону.

РОСТОВЪ НА ДОНУ.
электро-печатня А. Теръ-Абраміанъ.
1905.

Верховники и шляхетство.

I.

Ночь съ 18-го на 19-е января 1730 года прошла въ Москвѣ очень тревожно. Въ Нѣмецкой слободѣ, во дворцѣ, построенномъ Петромъ Великимъ для Лефорта, умиралъ пятнадцатилѣтній императоръ Петръ II. Онъ скончался въ бреду, въ первомъ часу ночи, не доживъ нѣсколькихъ часовъ до срока, назначеннаго первоначально для его свадьбы съ княжной Екатериной Алексѣевной Долгорукой.

Въ сущности говоря, для людей близкихъ ко двору и знакомыхъ съ личностью императора, въ этой смерти не могло быть ничего неожиданнаго. „Образъ жизни, который велъ покойный молодой монархъ,—писалъ по этому поводу датскій посланникъ Вестфаленъ своему двору,—его охотничьи разъѣзды съ утра до вечера при всякой погодѣ, безпорядочность въ ѣдѣ и питьѣ, безсонныя ночи, проведенныя въ танцахъ, привычка пить, разгорячившись, холодные напитки и, при всемъ этомъ, то обстоятельство, что у него еще не было оспы,—всегда заставляли меня опасаться за его жизнь". И дѣйствительно, почти за годъ передъ тѣмъ, въ апрѣлѣ 1729 г., Вестфаленъ уже писалъ своему правительству о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ предпринять въ случаѣ смерти молодого императора.

Датскій посланникъ имѣлъ, на самомъ дѣлѣ, серьезныя причины бояться смерти Петра II. По „тестамен-

ту" Екатерины I, въ случаѣ бездѣтной смерти внука Петра Великаго, престолъ долженъ былъ перейти къ старшей ихъ дочери, Аннѣ Петровнѣ, съ нисходящими потомками, а за ихъ отсутствіемъ—къ Елизаветѣ Петровнѣ съ ея „десцендентами". Анна Петровна, выданная замужъ за герцога голштинскаго, не дожила до смерти своего племяника; но послѣ нея остался малолѣтній сынъ (впослѣдствіи императоръ Петръ III), который и былъ законнымъ наслѣдникомъ по завѣщанію Екатерины. Этого-то соединенія голштинскаго и русскаго престоловъ и опасался болѣе всего датскій посланникъ. Дѣло въ томъ, что въ такомъ случаѣ Голштинія усиливалась и могла легче добиться своей постоянной цѣли: отнять у Даніи Шлезвигъ. Одинъ разъ (по смерти Екатерины I) Вестфалену уже пришлось хлопотать объ устраненіи кандидатуры „кильскаго ребенка"; и онъ не малую долю вліянія при воцареніи Петра II приписывалъ именно своимъ хлопотамъ. Теперь приходилось вторично приняться за тѣ же хлопоты, тѣмъ болѣе, что, какъ казалось Вестфалену, на сторонѣ голштинскаго претендента стояли посланники шведскій и австрійскій. Несомнѣнно, что опасенія Вестфалена были въ этомъ случаѣ очень преувеличены. По крайней мѣрѣ, въ донесеніяхъ шведскаго посла, Дитмера, не оказывается ни малѣйшихъ слѣдовъ какой-нибудь шведской интриги въ пользу голштинскихъ плановъ. Напротивъ, Дитмеръ подчеркиваетъ передъ своимъ правительствомъ, что намѣренъ остаться совершенно нейтральнымъ въ вопросѣ о русскомъ престолонаслѣдіи. Какъ бы то ни было, едва болѣзнь Петра II начала принимать опасный характеръ, какъ Вестфаленъ принялся усиленно интриговать противъ кандидатуры сына Анны Петровны. Онъ дневалъ и ночевалъ у князей Долгорукихъ, всесильныхъ при умиравшемъ императорѣ. О чемъ была рѣчь посланника съ временщиками, *скоро* стало ясно: очевидно, не безъ вліянія этихъ

разговоровъ составлено было письмо, въ которомъ Вестфаленъ уговорилъ Долгорукихъ „соединиться съ другими вельможами Россіи“ для доставленія престола невѣстѣ императора, княжнѣ Долгорукой. „Если энергичная и твердая рѣшимость двухъ такихъ людей, какъ Толстой и Меньшиковъ,—писалъ онъ Долгорукимъ,—могли доставить русскую корону покойной царицѣ, не смотря на массу препятствій, то почему бы подобная рѣшимость не могла дать такого же положенія принцессѣ добродѣтельной, какова ваша племянница“?

Событія показали скоро, что Вестфаленъ слишкомъ поторопился учесть въ свою пользу планъ, къ которому Долгорукіе могли притти и безъ его помощи, но для осуществленія котораго его помощи оказалось слишкомъ недостаточно. На первыхъ же шагахъ къ осуществленію, планъ возвести на престолъ невѣсту императора встрѣтилъ, какъ извѣстно, сопротивленіе среди самихъ Долгорукихъ, ненавидѣвшихъ семью государева любимца, Ивана Алексѣевича. Отецъ его самый ничтожный и самый надутый изъ всей фамиліи, скоро долженъ былъ стушеваться, предъ болѣе видными представителями Долгорукихъ, выдававшимися по нравственнымъ или по умственнымъ качествамъ: передъ фельдмаршаломъ Вас. Владимировичемъ и передъ дипломатомъ Василіемъ Лукичемъ. „Соединеніе съ другими вельможами“ (именно Голицыными), проэктированное Вестфаленомъ, дѣйствительно состоялось, но вовсе не съ цѣлью осуществленія Долгоруковскаго проэкта. Соединившіеся вельможи поспѣшили, впрочемъ, успокоить озабоченнаго дипломата, сообщивъ ему, что меньше всего они думаютъ о голштинской кандидатурѣ. Хлопоты Вестфалена, разумѣется, были тутъ не причемъ, и датскій посланникъ очень ошибался, если въ самомъ дѣлѣ думалъ,—какъ онъ писалъ своему правительству, —что, благодаря именно *его* „энергическому противодѣйствію“ и благодаря его „предупрежденіямъ лицъ,

руководившихъ переворотомъ", предотвращено было и на этотъ разъ вступленіе на русскій престолъ сына Анны Петровны подъ опекой Елизаветы. Гораздо лучше понималъ роль дипломатіи въ этомъ случаѣ шведскій посланникъ, когда писалъ: „Датскій министръ подъ рукой много хлопоталъ о томъ, чтобы не зашла рѣчь о голштинскомъ принцѣ; но кажется, на подобныя внушенія такъ же мало обратили вниманія, какъ на противоположныя напоминанія графа Бонде (голштинскаго посла), что объ этомъ принцѣ не слѣдуетъ забывать вовсе. Хотя послѣдняго и увѣряли, что препятствіемъ для принца служитъ на этотъ разъ молодость, но *главная причина* (отклоненія голштинской кандидатуры), по всей видимости, *та, что посредствомъ выбора хотятъ достигнуть большей свободы* и не оставаться болѣе подъ такимъ тяжелымъ гнетомъ".

Иностранной дипломатіи въ Россіи прошлаго вѣка не разъ удавалось сыграть весьма видную и активную роль въ дворцовыхъ переворотахъ. Но переворотъ 1730 г. обошелся безъ участія дипломатіи. Онъ слишкомъ неожиданно начался, слишкомъ скоро кончился, былъ руководимъ слишкомъ самостоятельными людьми и слишкомъ глубоко захватилъ внутреннее движеніе русскаго общества, чтобы иностранная дипломатія (при томъ на непривычномъ мѣстѣ, въ Москвѣ) могла оказать на него сколько-нибудь замѣтное вліяніе. Самые умные изъ иностранцевъ скоро поняли, что имъ оставалось только сложить руки и спокойно ожидать развязки, не выходя изъ роли постороннихъ наблюдателей.

Въ качествѣ наблюдателей—иностранные дипломаты понимали смыслъ совершавшихся передъ ихъ глазами событій различно. Одни смотрѣли на попытку верховниковъ, какъ на возвращеніе русскаго боярства къ прежнему положенію,—къ допетровской старинѣ. Другіе видѣли въ этой попыткѣ желаніе осуществить

новое, болѣе раціональное государственное устройство на манеръ Англіи, Швеціи или Польши. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ—многіе изъ иностранныхъ представителей сочувствовали готовящемуся перевороту; были моменты, когда нѣкоторымъ изъ нихъ онъ казался вполнѣ осуществимымъ. Но большинство дипломатовъ даже сочувствуя перевороту теоретически, плохо вѣрили съ самаго начала въ его осуществимость на практикѣ. Во всякомъ случаѣ, московскія событія интересовали ихъ, главнымъ образомъ, съ той точки зрѣнія, что они могли отвлечь Россію отъ активной роли въ современной европейской политикѣ.

Оба, только что упомянутые взгляда иностранцевъ на значеніе переворота 1730 года (т.-е. какъ на боярскую реакцію противъ демократическаго и бюрократическаго деспотизма Петровской реформы, или какъ на попытку перенесенія въ Россію иноземнаго государственнаго строя)—были, надо признаться, гораздо глубже тѣхъ понятій, которыя послѣ неудачи переворота утвердились среди русской публики и господствовали въ русской исторической литературѣ вплоть до послѣднихъ десятилѣтій. Попытка верховниковъ понята была у насъ, какъ продуктъ своекорыстнаго и эгоистическаго разсчета—обезпечить личныя выгоды путемъ раздѣла власти между двумя могущественными фамиліями. О попыткахъ же шляхетства, протестовавшаго противъ верховниковъ и выступившаго съ собственнымъ планомъ политической реформы,—въ русской печати почти ничего не было извѣстно. Только съ середины XIX вѣка стало возможно возстановить истинный характеръ событій 1730 года и освободить толкованіе ихъ отъ запоздалыхъ вліяній тогдашней памфлетной литературы. Донесенія иностранныхъ пословъ сыграли при этомъ весьма важную роль.

Извлеченіе изъ депешъ испанскаго посла, изданныя въ 1845 г. Языковымъ подъ названіемъ „Записокъ дю-

ка Лирійскаго", выдержки изъ донесеній французскаго резидента Маньяна, напечатанныя Тургеневымъ въ 3-мъ томѣ его извѣстнаго изданія „La Russie et les Russes", наконецъ, обширныя цитаты изъ донесеній саксонскаго посла Лефорта въ 4-мъ томѣ „Geschichte des Russischen Staates" Германа (1849) положили прочное начало знакомству съ литературой денесеній. Затѣмъ, на тѣхъ же донесеніяхъ, съ присоединеніемъ выписокъ изъ депешъ англійскаго резидента Рондо, основанъ былъ разсказъ о переворотѣ 1730 г. въ извѣстномъ сборникѣ „La cour de Russie il y a cent ans" (1858). Наконецъ, и самые тексты донесеній начали издаваться въ полномъ видѣ: герцога де-Лиріа—въ „Осьмнадцатомъ вѣкѣ" Бартенева, Лефорта—въ V томѣ, Рондо—въ LXVI-мъ и Маньяна—въ LXXV томахъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Еще важнѣе было то, что и подлинные документы переворота, сохранившіеся, главнымъ образомъ, въ петербургскомъ государственномъ архивѣ, дождались, наконецъ, своихъ изслѣдователей: въ 1869 году С. М. Соловьевъ въ 19-мъ томѣ своей „Исторіи" и въ 1880 году Д. А. Корсаковъ въ спеціальной диссертаціи о „воцареніи императрицы Анны Іоанновны"—представили результаты своихъ архивныхъ изысканій, существенно дополнившіе то, что было извѣстно изъ дипломатическихъ донесеній. Къ ряду послѣднихъ Д. А. Корсаковъ прибавилъ новый источникъ: депеши датскаго посла Вестфалена. Но и этимъ матеріалъ донесеній не былъ исчерпанъ окончательно. Послѣ работы казанскаго профессора появилась статья шведскаго историка Іерне, дополняющая наши свѣдѣнія любопытными извлеченіями изъ депешъ шведскихъ дипломатовъ, Дитмера и Моріана[1]). Кромѣ сообщенія новаго матеріала, статья Іерне важна еще и въ другомъ отношеніи: въ ней впервые сдѣлана попытка точно указать

[1]) Historisk Tidskrift, 1884. Horald Hjärne: Ryska konstitutionr-project ar 1730 eftêr svenska förebilder. Стр. 189—272.

шведскіе источники проэктированной верховниками государственной реформы. Такъ какъ статья эта прошла совершенно незамѣченной въ нашей исторической литературѣ, и такъ какъ донесенія Рондо и Маньяна опубликованы вполнѣ уже послѣ выхода въ свѣтъ спеціальной работы проф. Корсакова, то намъ показалось нелишнимъ, опираясь на весь извѣстный теперь матеріалъ, еще разъ остановить вниманіе читателей на этомъ любопытномъ эпизодѣ нашей исторіи прошлаго вѣка. Помимо сообщенія фактовъ, неизвѣстныхъ въ русской исторической литературѣ,—и фактами уже извѣстными намъ казалось возможнымъ воспользоваться въ нѣкоторыхъ случаяхъ иначе, чѣмъ ими пользовались до сихъ поръ при описаніи событій 1730 года[1]).

II.

Основной вопросъ—о престолонаслѣдіи—былъ разрѣшенъ немедленно послѣ смерти государя, ночью на 19-е января, верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, съ участіемъ двухъ фельдмаршаловъ, кн. Вас. Вл. Долгорукаго и кн. Мих. Мих. Голицына, а также сибирскаго губернатора кн. Мих. Вл. Долгорукаго. Всѣ эти три лица не имѣли, впрочемъ, никакого права присутствовать въ совѣтѣ, кромѣ своего родства съ вліятельными верховниками. Иниціаторомъ рѣшеній этого импровизированнаго собранія, никѣмъ не уполномоченнаго вести то дѣло, за которое оно взялось, явился кн. Дм. Мих. Голицынъ. Онъ началъ засѣданіе съ того, что устранилъ нерѣшительныя заявленія Долгорукихъ о завѣщаніи Петра II въ пользу невѣсты. Это завѣщаніе Голицынъ открыто и

[1]) Новѣйшее изложеніе переворота 1730 г. у *Валишевскаю* (L' héritage de Pierre le Grand, règne des femmes, gouvernement des favoris, 1725—1741) основано на русскихъ изслѣдованіяхъ, включая и настоящую статью.

рѣшительно объявилъ подложнымъ. Вслѣдъ затѣмъ и завѣщаніе Екатерины I (на которомъ основывалась голштинская кандидатура) онъ объявилъ недѣйствительнымъ —на томъ основаніи, что Екатерина сама не имѣла права занимать престола, какъ женщина низкаго происхожденія (историки не рѣшаются повторять болѣе рѣзкаго выраженія, употребленнаго въ этомъ случаѣ кн. Голицынымъ). Устранивъ такимъ образомъ дочерей Екатерины I, которыхъ партія старины всегда считала рожденными до брака, Голицынъ не менѣе рѣшительно устранилъ первую жену Петра Великаго, царицу Евдокію, и старшую изъ племянницъ Петра, Екатерину Ивановну, герцогиню мекленбургскую,—послѣднюю на томъ основаніи,—совсѣмъ уже не принципіальнаго свойства,—что мужъ ея можетъ причинить Россіи разныя затрудненія. Затѣмъ Д. М. Голицынъ остановился на ея младшей сестрѣ—Аннѣ Ивановнѣ, вдовѣ герцога курляндскаго, которая уже вовсе не могла имѣть никакихъ основаній разсчитывать на русскій престолъ. Предложивъ ея кандидатуру, Голицынъ былъ поддержанъ другимъ виднымъ членомъ верховнаго совѣта, кн. Вас. Лук. Долгорукимъ. Совѣтъ согласился на избраніе Анны Ивановны. Тогда Голицынъ перешелъ къ выполненію другой части своего плана, которую онъ развивалъ, впрочемъ далеко не такъ рѣшительно, какъ первую. Свое намѣреніе онъ передалъ товарищамъ въ неловкой и туманной фразѣ: „Надобно“ было, по его словамъ, „себѣ полегчить“, именно—„воли себѣ прибавить“. Со стороны канцлера Головкина эта часть предложенія вызвала недоумѣніе. Ловкій и практическій князь Василій Лукичъ тоже выразилъ сомнѣніе въ исполнимости этого замысла. „Хоть зачнемъ, да не удержимъ этого“, заявилъ онъ. Совѣщаніе такъ и кончилось безъ опредѣленнаго результата. Голицынъ настаивалъ на томъ, чтобы, „написавъ, послать къ ея величеству *пункты*“; а Василій Лукичъ, встрѣтивъ послѣ засѣданія въ сосѣдней ком-

натѣ Павла Ивановича Ягужинскаго и услыхавъ отъ него то же заявленіе: „Батюшки мои, прибавьте намъ какъ можно воли“,—резюмировалъ результатъ ночного совѣщанія въ своемъ отвѣтѣ ему такъ: „говорено уже о томъ было,—*но то не надо*“. Кто могъ бы думать, что на слѣдующее утро Долгорукій превратится въ сторонника ограниченія царской власти, а Ягужинскій—въ защитника самодержавія?

Какъ бы то ни было, въ первыя минуты Голицынъ не нашелъ себѣ единомышленниковъ среди сочленовъ по совѣту. Но онъ имѣлъ этихъ единомышленниковъ, очевидно, внѣ совѣта. Вотъ почему онъ поспѣшилъ немедленно вернуть разъѣзжавшихся изъ дворца по домамъ генераловъ и сенаторовъ (въ томъ числѣ и Ягужинскаго) и, собравъ нѣкоторыхъ изъ нихъ вокругъ себя, продолжалъ съ ними начатый безъ нихъ въ совѣтѣ разговоръ о „пунктахъ“. По словамъ очевидца, онъ говорилъ имъ, что „станетъ-де писать пункты, чтобы не быть самодержавствію“.

Въ такой обстановкѣ являлся впервые на свѣтъ проэктъ верховниковъ. Нельзя не вывести изъ разсказанной сцены, что проэктъ составился въ головѣ одного Голицына, который пришелъ въ засѣданіе съ готовымъ планомъ дѣйствій, что среди товарищей онъ не встрѣтилъ на первыхъ порахъ сочувствія своему плану и что съ перваго же момента онъ готовъ былъ искать этого сочувствія въ другихъ, менѣе сановныхъ сферахъ. Такъ мало походило все дѣло на заранѣе обдуманный и условленный олигархическій комплотъ.

Однако, въ слѣдующія же минуты Голицынъ настоялъ на своемъ и въ совѣтѣ. Когда разъѣхались члены сената и генералитета, засѣданіе восьми сановниковъ возобновилось. Они занялись теперь, какъ того желалъ Голицынъ, составленіемъ „пунктовъ“. Диктовалъ самъ князь Дмитрій Михайловичъ, а также и Василій Лукичъ, успѣвшій, какъ видно, войти въ его

мысли; редактировалъ, по настоянію товарищей, Остерманъ, „яко знающій лучше стиль“; записывалъ правитель дѣлъ верховнаго совѣта Степановъ, разсказавшій всю эту сцену. Скоро черновая редакція пунктовъ была готова и импровизированное собраніе, проработавъ всю ночь, разъѣхалось по домамъ до десяти часовъ утра слѣдующаго дня (19 января), когда было назначено оффиціальное собраніе членовъ сената, синода и генералитета.

III.

Несмотря на спѣшное составленіе первой редакціи „пунктовъ“, видно по всему, что содержаніе ихъ было хорошо и давно обдумано,—конечно, Д. М. Голицынымъ. Прибавки, сдѣланныя къ этой редакціи въ утреннемъ засѣданіи совѣта (19 февраля), были не столько принципіальнаго, сколько чисто-прикладного свойства. Онѣ имѣли въ виду установить тѣ дополнительныя гарантіи для совѣта, которыя вытекали изъ особенностей личности и положенія избранной императрицы. Анна обязывалась этими прибавками не вступать въ супружество, не назначать наслѣдника, не держать при дворѣ иностранцевъ; въ случаѣ нарушенія „пунктовъ“ она объявлялась лишенной короны; наконецъ, гвардія и войска оставались въ вѣдѣніи верховнаго совѣта. Не будемъ останавливаться на дальнѣйшихъ измѣненіяхъ „пунктовъ“; замѣтимъ только, что окончательная редакція ихъ во многихъ случаяхъ возстановила выраженія чернового наброска, составленнаго въ ночь на 19 января

Другое, еще болѣе очевидное, доказательство того, что „пункты“ были обдуманы Голицынымъ заблаговременно и что въ редакціи ихъ 19 января не было ничего случайнаго,—можно почерпнуть изъ разбора ихъ содержанія. Уже Д. А. Корсаковъ отмѣтилъ несомнѣнное сходство этого содержанія съ государственнымъ

строемъ Швеціи, какъ онъ установился въ такъ называемое „время свободы", т. е. послѣ переустройства 1720 года, покончившаго съ самодержавными реформами Карла XI-го (1680-е годы). Шведскій историкъ Іерне съ документами въ рукахъ произвелъ сличеніе „кондицій" съ соотвѣтственными статьями шведскихъ государственныхъ актовъ: „формы правленія" 1720 года и „королевской присяги" Фридриха I, относящейся къ тому же году[1]). Если раскрыть ссылки, сдѣланныя Іерне, и сопоставить указанныя имъ мѣста шведскихъ актовъ съ русскими „кондиціями", то мы получимъ слѣдующій рядъ параллелей:

Пункты.	*Шведскіе источники.*
Безъ онаго верховнаго тайнаго совѣта согласія(обѣщаемся). 1. Ни съ кѣмъ войны не всчинять.	R. F. 6. „Также не можетъ Е. Кор. В. безъ предварительнаго обсужденія и согласія государственныхъ сословій начать войну"...—К. F. 18: „Я не долженъ также начинать никакой войны безъ совѣта государственнаго совѣта и безъ согласія сословій.
2. Миру не заключать.	R. F. 7. „Такъ какъ заключеніе мира, перемирія или союза не терпитъ иногда ни малѣйшей проволочки, а государственныя сословія не всегда находятся въ сборѣ, когда потребуетъ подобный случай, и не могутъ быть созваны такъ скоро, какъ это нужно, то Е. К. В. совѣщается въ подобныхъ важныхъ случаяхъ съ государственнымъ совѣтомъ и принимаетъ съ нимъ рѣшенія, клонящіяся къ пользѣ государства", доводя, однако, объ этомъ до свѣдѣнія ближайшаго, слѣдующаго риксдага.

[1]) Далѣе буквы R. F. обозначаютъ первый источникъ (Regeringstormen), а K. F.—второй (Konungaförsäkran); выраженіе „съ совѣта совѣта" соотвѣтствуетъ извѣстной шведской формулѣ: med Rads rade.

3. Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податьми не отягощать.

K. F. 18. „(Я не долженъ также)... издавать приказаній или запрещеній, или дѣлать распоряженія, касающіяся всего государства, по поводу военныхъ вспоможеній, податей, таможенныхъ сборовъ или другихъ налоговъ, поборовъ или иныхъ всеобщихъ тягостей... (безъ совѣта государственнаго совѣта и т. д.)"—R. F. 5. „E. K. B. долженъ охранять и защищать свое государство, особенно отъ иноземной власти и нашествія непріятелей, но онъ не можетъ для этой цѣли налагать на подданныхъ противно закону и королевской присягѣ, никакихъ военныхъ вспоможеній, податей, таможенныхъ сборовъ, поборовъ и иныхъ налоговъ безъ вѣдома, свободнаго желанія и согласія государственныхъ сословій".

4. Въ знатные чины, какъ въ статскіе, такъ и въ военные сухопутные и морскіе, выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять.

R. F. 40. „Всѣ высшія должности, начиная съ полковника до фельдмаршала включительно, и всѣ имъ подобныя, какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ сословіи, замѣщаются Его Величествомъ въ засѣданіи совѣта слѣдующимъ образомъ: когда открывается вакансія, государственный совѣтъ обязанъ освѣдомиться о заслугахъ и пригодности всѣхъ такихъ лицъ, которыя могутъ быть приняты въ соображеніе при замѣщеніи столь важной должности. Когда Его Величество милостиво предложитъ совѣту, кого онъ соблаговолитъ вспомнить для занятія должности, то совѣтъ заноситъ о таковыхъ въ протоколъ и не прежде приступаетъ къ голо-

сованію, чѣмъ удостовѣрится, что назначеніе даннаго лица не противорѣчитъ закону и „формѣ правленія“ Швеціи, такъ же, какъ и заслугамъ другихъ частныхъ подданныхъ. Въ противномъ случаѣ государственный совѣтъ долженъ постановить, чтобы Е. К. В. соблаговолилъ принять во вниманіе соображенія совѣта и указалъ бы на кого-нибудь другого“, заслужившаго назначеніе и не вызывающаго возраженій. „На всѣ другія должности—коллегіи и другія присутственныя мѣста—указываютъ Его Величеству трехъ разумнѣйшихъ, достойнѣйшихъ и наиболѣе подходящихъ для занятія вакансіи кандидатовъ“.—K. F. 10. „Относительно назначенія въ государственный совѣтъ и на другія болѣе или менѣе важныя должности, я обязуюсь во всѣхъ отношеніяхъ соблюдать форму правленія“ и обѣщаю, что всѣ должности отъ полковника до фельдмаршала и всѣ имъ подобныя будутъ замѣщаться мною въ засѣданіи совѣта по большинству голосовъ“.

Гвардіи и прочимъ полкамъ быть подъ вѣденіемъ верховнаго тайнаго совѣта.

R. F. 25. „Вся государственная армія, морская и сухопутная, должна со всѣми своими высшими и низшими начальствующими присягать на вѣрность Кор. Величеству, государству и сословіямъ по установленной формулѣ“.—R. F. 26. „Ни одинъ полковникъ или иной начальствующій не можетъ, безъ приказаній Кор. Величества, даннаго съ совѣта совѣта, собирать распущенныя по домамъ войска для выступленія и похода“.

5. У шляхетства живота и имѣнія безъ суда не отымать.	R. F. 2. „Никого не лишать жизни и чести, членовъ или благосостоянія, безъ законнаго уличенія и приговора; также не отнимать и не дозволять отнимать ни у кого имущества, движимаго или недвижимаго, помимо суда и безъ предшествующаго судебнаго приговора“.
6. Вотчины и деревни не жаловать.	K. F. 5. „Я не буду также отдѣлять отъ государства никакихъ княжествъ, областей, городовъ, замковъ или уѣздовъ, путемъ ли раздѣла по завѣщанію, или путемъ пожалованія или залога“.
7. Въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ безъ совѣту верховнаго тайнаго совѣта не производить[1]).	K. F. 14. „Обязуюсь никакихъ иноземныхъ князей, принцевъ и иныхъ лицъ не призывать въ государство, не натурализировать и не назначать ни на какія должности ни внутри, ни внѣ государства, ни на гражданскую, ни на военную службу, ни на важныя должности при дворѣ“.
8. Государственные доходы въ расходъ не употреблять.	R. E. 19. „Когда случится какое-нибудь дѣло, касающееся общественной обороны и требующее значительныхъ расходовъ сверхъ бюджета, разрѣшеннаго сословіями, то Е. К. В. созываетъ всѣхъ, здѣсь находящихся членовъ государственнаго совѣта, чтобъ обсудить и рѣшить такія и тому подобныя важныя дѣла“.

[1]) Этотъ пунктъ вставленъ на утреннемъ засѣданіи. Первоначальная редакція была: „при дворѣ своемъ придворныхъ чиновъ изъ иноземцевъ не держать“. Нельзя не замѣтить, что именно въ этой первоначальной редакціи этотъ пунктъ кондицій стоитъ ближе къ шведскому постановленію.

R. F. 31. „Упомянутый бюджетъ не можетъ быть превзойденъ или увеличенъ... Въ бюджетъ входитъ не только извѣстная сумма карманныхъ денегъ для личнаго употребленія Е. К. В. по усмотрѣнію, но также ежегодно назначается сумма на чрезвычайные расходы, которою распоряжается Е. К. В. съ совѣта совѣта причемъ соблюдается, чтобы расходъ всегда соотвѣтствовалъ приходу".

K. F. 13. „Государственные доходы въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ могутъ быть употребляемы сверхъ утвержденнаго сословіями бюджета только съ совѣта совѣта и послѣ надлежащаго голосованія, причемъ соблюдается всяческая бережливость, чтобы расходъ всегда соотвѣтствовалъ приходу".

(внѣ нумераціи) И всѣхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать. А буде сего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны.

K. F. 7. „Объявляю, что долженъ быть лишенъ королевскаго трона и считаться врагомъ государства тотъ, кто или открытою силой, или посредствомъ тайнаго заговора захочетъ добиться самодержавія".

K. F. 22. „И для того, чтобы всѣ государственныя сословія тѣмъ болѣе увѣрились въ искренномъ моемъ попеченіи объ общемъ благѣ, объявляю, что въ случаѣ, если бы я съ своей стороны нарушилъ присягу, сословія освобождаются всецѣло отъ данной ими присяги и клятвы въ вѣрности".

Самое бѣглое сравненіе русскихъ „пунктовъ" съ ихъ шведскимъ образцомъ можетъ показать, что верховный совѣтъ выбралъ изъ шведскихъ установленій только то, что непосредственно опредѣляло долю уча-

стія *государственнаго совѣта* въ верховной власти Участіе *риксдага*, т. е. государственныхъ сословій, совершенно оставлено въ сторонѣ. Значило ли это, какъ заключали враги верховниковъ, что члены верховнаго совѣта „не думали вводить народное владѣтельство, но всю владѣнія крайнюю силу осьмочисленному своему совѣту учреждали?“ Другими словами, дѣйствительно ли верховники хлопотали только о личной выгодѣ и вовсе забыли о „народѣ“ въ своемъ конституціонномъ проектѣ?

IV.

Тотъ же авторъ, которому принадлежатъ приведенныя только что слова, сообщаетъ и то, что приводили въ свое оправданіе верховники[1]). По словамъ Ѳеофана, они „ротились и присягали, что они за собственнымъ своимъ интересомъ не гонятся, и жаловались, что напрасно то въ грѣхъ имъ поставлено, что они совѣта своего всѣмъ прочимъ не сообщили“. По ихъ словамъ, они сдѣлали это потому, что „хотѣли они первѣе искусить и отвѣдать, какову себя покажетъ на ихъ предложеніе избираемая государыня; а то увѣдавъ, имѣютъ они намѣреніе всѣ чины созвать и просить отвѣтовъ, что кому заблагоразсудится къ полезнѣйшему впредь состоянію государства, обѣщавая скоро то учинить и себя, яко невинныхъ, передъ всѣми оправдать“.

Были ли эти обѣщанія просто „обманнымъ ловительствомъ“, какъ думалъ Ѳеофанъ, или верховники давали ихъ совершенно серьезно,—это видно будетъ изъ дальнѣйшаго ихъ образа дѣйствій. Теперь мы посмотримъ, на сколько опасенія враговъ оправдывались самымъ содержаніемъ проэкта Голицына.

Какъ видно изъ первой строчки, подъ которую подведены были всѣ 8 „пунктовъ“,—кондиціи опредѣляли

[1]) Ѳеофанъ Прокоповичъ. См. его „Сказаніе“ въ приложеніи къ „Запискамъ дюка Лирійскаго“, пер. Языкова Спб. 1845 г.

только одну частность въ проэктированномъ государственномъ устройствѣ. Взятыя сами по себѣ, онѣ, конечно, производили то впечатлѣніе, что составители ихъ только и заботились объ огражденіи личности и имущества членовъ верховнаго совѣта. Скоро мы увидимъ, какое роковое значеніе для плана Голицына имѣло это впечатлѣніе, произведенное кондиціями на современниковъ. Но въ наше время, когда давнымъ-давно утихли послѣдніе отголоски страстей, возбужденныхъ замыслами верховниковъ, пора было бы признать, что впечатлѣніе это было, если и не совсѣмъ случайное, то во всякомъ случаѣ очень преувеличенное. Современники частью не знали, частью не хотѣли вѣрить, что содержаніе кондицій составляло только часть плана, составленнаго Голицынымъ. Выдвигая эту часть впередъ онъ дѣйствительно руководился тѣми практическими соображеніями, которыя дошли до Ѳеофана. Необходимо было, по его мнѣнію, поскорѣе закрѣпить исходный пунктъ уступокъ самодержавной власти. Верховный совѣтъ былъ во всякомъ случаѣ единственнымъ, наличнымъ учрежденіемъ, которое могло договариваться съ императрицей на почвѣ, сколько-нибудь похожей на юридическую. Согласіе Анны должно было, какъ казалось верховникамъ, оправдать ихъ иниціативу и поставить все дѣло на твердое основаніе. Въ ожиданіи же этого согласія верховный совѣтъ приступилъ *немедленно* къ выработкѣ *общаго плана* государственной реформы, болѣе широкаго, чѣмъ содержаніе кондицій. Протоколы совѣта, наполненные всевозможными мелочами по поводу похоронъ Петра II и ожидавшагося пріѣзда императрицы, не сообщаютъ намъ, правда, ничего о ходѣ этого обсужденія. Но мы, тѣмъ не менѣе, знаемъ о немъ кое-что изъ сообщеній иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ. Черезъ четыре дня послѣ составленія кондицій, т. е. уже 23 января, иностранцамъ становится извѣстнымъ, что Голицынъ внесъ на обсужденіе совѣта свой про-

эктъ новаго государственнаго устройства. По первоначальнымъ предположеніямъ совѣта, проэктъ долженъ былъ быть выработанъ окончательно и опубликованъ 2—3 февраля, т. е. немедленно послѣ полученія согласія Анны (де-Лиріа). Потомъ опубликованіе было отложено до 6—7 февраля (Маньянъ Дитмеръ). Почему и послѣ этого срока проэктъ Голицына остался не опубликованнымъ, будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія событій.

Содержаніе проэкта, по сообщеніямъ де-Лиріа, Маньяна и Рондо было слѣдующее[1]:

1. Императрица лично и безконтрольно распоряжается только своими карманными деньгами (размѣръ которыхъ опредѣляются въ 500 тысячъ руб. ежегодно). Она начальствуетъ только надъ отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для ея личной охраны и карауловъ во дворцѣ.

2. Верховная власть принадлежитъ императрицѣ вмѣстѣ съ верховнымъ совѣтомъ, который состоитъ изъ 10—12 членовъ, принадлежащихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ. (Императрица имѣетъ въ совѣтѣ только два, по другимъ свѣдѣніямъ три голоса. Иностранцы, за личнымъ исключеніемъ Остермана, въ члены совѣта не допускаются). Совѣтъ вѣдаетъ важнѣйшія дѣла по иностранной политикѣ: войну, миръ, договоры; онъ же назначаетъ на всѣ должности и начальствуетъ надъ всѣми войсками (къ числу которыхъ прибавляются два новыхъ гвардейскихъ полка). По другому, болѣе точному изложенію, войсками начальствуютъ два фельдмаршала, [illegible] дающіе отчетъ совѣту (де-Лиріа). Для финансовъ изъ[illegible]

[1]) Въ скобки поставлены тѣ части проэкта, которыя, по тогдашнимъ слухамъ, были введены въ него въ концѣ обсужденія, именно 7-го февраля. Впрочемъ, уже отъ 5-го числа Дитмеръ сообщаетъ о двухъ голосахъ императрицы въ совѣтѣ и объ опредѣленіи размѣра ея liste civile въ 500.000 рублей. О казначеѣ де-Лиріа пишетъ [illegible] 26 января. Классификація содержанія проэкта принята нами наша [illegible] ственная.

ается верховнымъ совѣтомъ государственный[1]) казначей, который долженъ отдавать совѣту самый точный отчетъ о мельчайшихъ государственныхъ расходахъ.

3. Сенатъ, изъ 30—36 членовъ, предварительно разсматриваетъ дѣла, вносимыя въ совѣтъ, а также представляетъ высшую судебную инстанцію.

4. Палата низшаго шляхетства, изъ 200 членовъ, охраняетъ права этого сословія, въ случаѣ нарушенія ихъ совѣтомъ. (Всякій знатный шляхтичъ, уличенный въ преступленіи, наказывается по законамъ, но наказаніе не распространяется на его семейство).

5. Палата городскихъ представителей, по два отъ каждаго города[2]), вѣдаетъ торговыя дѣла и интересы простого народа.

Изучая содержаніе проэкта, въ связи со шведскимъ законодательствомъ, Іерне отмѣтилъ и въ этой части Голицынскаго плана рядъ заимствованій. Постановленіе о двухъ голосахъ императрицы въ совѣтѣ соотвѣтствуетъ R. F. (1720), 15[3]). Введеніе цивильнаго листа соотвѣтствуетъ R. F. 31[4]). Но еще любопытнѣе, что какъ по общему характеру, такъ и по нѣкоторымъ частностямъ проэктъ Голицына напоминаетъ не современную ему конституціонную Швецію, а *старую*, аристократическую Швецію, какой она была до самодержавныхъ реформъ Карла XI, т.-е. до конца XVII столѣтія. „Отношеніе между верховнымъ совѣтомъ и сенатомъ,—будемъ говорить словами Іерне,—напоминаетъ положеніе

[1]) У де-Лиріа „великій".

[2]) По Рондо: „дворянъ или купцовъ".

[3]) „Когда въ совѣтѣ рѣшаются дѣла съ совѣта совѣта, что, разумѣется, должно всегда производиться посредствомъ голосованія, и если мнѣнія окажутся при этомъ одинаково сильными съ обѣихъ сторонъ, то перевѣсъ получаетъ та сторона, которой Е. К. В. даетъ свое милостивое одобреніе... Но если въ голосахъ обнаружится большое неравенство, то К. В. всегда принимаетъ тотъ совѣтъ, который большинство государственнаго совѣта признало полезнѣйшимъ".

[4]) См. выше, стр. 17.

пяти высшихъ сановниковъ относительно государственнаго совѣта во время регентствъ XVII вѣка. Когда намъ сообщаютъ, что по плану Голицына совѣтъ не нуждался въ присутствіи императрицы, чтобы постановлять окончательныя рѣшенія, то при этомъ вспоминается не только R. F. 16. 1720 года, но еще болѣе сходное постановленіе въ R. F. 15. 1660 года. Что казначей (и также два фельдмаршала, относительно войска) долженъ давать отчеты совѣту,—это совпадаетъ съ R. F. 18. 1634 г. (ср. также R. F. 13. 1660 г.). Обѣ сословныя палаты, насколько можно судить по скуднымъ свѣдѣніямъ, должны были, подобно шведскимъ государственнымъ сословіямъ въ малолѣтство Христины и Карла XI, имѣть только контролирующую власть, не стѣсняя этимъ свободы дѣйствій совѣта. Что духовенство не получало своего представительства,—объясняется враждебнымъ отношеніемъ Голицына къ этому сословію. О крестьянахъ, естественно, не могло быть рѣчи въ странѣ, гдѣ они были крѣпостными. Естественными представителями ихъ интересовъ были ихъ шляхетскіе господа, какъ отвѣтственные передъ правительствомъ за сборъ податей".

Такимъ образомъ, проэктъ Голицына, какъ въ кондиціяхъ, такъ и въ цѣломъ стоитъ въ ближайшей связи съ политическими тенденціями шведскаго высшаго дворянства. Іерне, какъ и Корсаковъ, приходятъ къ тому заключенію, что проэктированное Голицынымъ государственное устройство „носило въ цѣломъ аристократическій отпечатокъ". Всего этого невозможно не признавать, и при всемъ томъ можно утверждать, что проэктъ Голицына не только не имѣлъ своекорыстно-личнаго характера, но не имѣлъ даже и своекорыстно-сословнаго. На всемъ проэктѣ лежалъ отпечатокъ теоретизирующей и идеализирующей политической мысли; этотъ-то отпечатокъ скрывалъ и, можетъ быть, отъ самаго автора, реальную узость того сословнаго прин-

ципа, на которомъ проэктъ былъ построенъ. Среди ожесточенной борьбы реальныхъ интересовъ и политическихъ теорій, какую вызвала попытка верховниковъ, этотъ проэктъ быстро заклейменъ былъ кличкой олигархическаго и тиранническаго. Но когда, задолго до событій, давшихъ возможность попытаться осуществить его, князь Голицынъ обдумывалъ свою политическую теорію,—навѣрное, она представлялась ему весьма радикальной сравнительно съ окружавшею его дѣйствительностью. Эту-то разницу между условіями теоретической разработки и условіями практическаго осуществленія надо имѣть въ виду при историческомъ объясненіи цѣлей князя Голицына. Не только, чтобы быть справедливыми при оцѣнкѣ этихъ цѣлей, но даже просто, чтобы, какъ слѣдуетъ, понять ихъ, мы должны поэтому заняться исторіей происхожденія Голицынскаго плана. Для этого намъ надо оставить на время уличную борьбу и перенестись въ уединеніе рабочаго кабинета князя Дмитрія Михайловича.

V.

Для того, чтобы объяснить происхожденіе политической теоріи князя Голицына, у насъ нѣтъ ничего подобнаго тѣмъ допросамъ подъ пыткой, которые съ такою подробностью освѣтили исторію составленія Долгорукими подложнаго завѣщанія. Но кое о чемъ мы можемъ догадываться. Прежде всего, трудно сомнѣваться въ томъ, что основныя черты проэкта были готовы *раньше*, чѣмъ явилась надежда на ихъ осуществленіе. Во время январьскихъ и февральскихъ событій 1730 г. было бы уже поздно заниматься изученіемъ иностранныхъ законодательствъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ, напр., по вопросу о размѣрахъ цивильнаго листа, дѣлались попытки навести запоздалую справку въ иностранныхъ законахъ черезъ резидентовъ, но послѣдніе были очень сдержаны. Дитмеръ писалъ, напримѣръ, 8 февраля: „въ

послѣднее время опять старались добыть тѣ или другія шведскія постановленія и особенно о томъ, какое содержаніе получаетъ дочь короля; объ этомъ просили рижскаго депутата, причемъ, кажется, предположено было поговорить объ этомъ со мной, но я отклонилъ это". Въ первые дни послѣ переворота Голицынъ обращался и къ Вестфалену съ общимъ вопросомъ: какую форму правленія онъ считаетъ лучшею: шведскую или англійскую. Датскій посланникъ далъ отвѣтъ, который не могъ понравиться Голицыну. Шведская форма правленія, отвѣчалъ онъ,—самая плохая, а англійскую врядъ ли можно ввести въ Россіи. Надо замѣтить, что и другіе дипломаты въ первые дни послѣ выбора Анны представляли себѣ дѣло такъ, что вопросъ о выборѣ формы правленія остается нерѣшеннымъ и верховники колеблются между англійскимъ, шведскимъ и польскимъ образцами. Они даже передавали, что самое избраніе Анны—только временное, до выработки республиканской формы правленія. Несомнѣнно, что иностранные дипломаты говорили, что слышали, и что подобные разговоры ходили въ Москвѣ. Разсказывалъ же нѣкій бригадиръ Козловъ, пріѣхавшій изъ Москвы въ Казань, что Анну Іоановну при первомъ, ничтожномъ нарушеніи условій „вышлютъ назадъ въ Курляндію" и „что она сдѣлана государынею, и то, де, только на первое время: помазка по губамъ". Но все это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какъ взбудоражены были событіями умы московскихъ политикановъ. Среди верховниковъ колебаній подобнаго рода, навѣрное, не было, и выборъ князя Голицына давно уже остановился на шведскомъ устройствѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно принять въ соображеніе нѣкоторые факты изъ его біографіи и изъ предыдущей исторіи Россіи.

Въ 1730 году Голицынъ былъ шестидесятипятилѣтнимъ старикомъ. Цвѣтущіе годы его жизни прошли въ царствованіе Петра Великаго, старше котораго онъ

былъ на цѣлыхъ семь лѣтъ. Двоюродный братъ кн. Василія Васильевича Голицына, онъ раздѣлялъ принципіальное сочувствіе любимца Софіи къ идеѣ преобразованія Россіи, но имѣлъ многое возразить противъ той формы, какую приняло преобразованіе въ рукахъ Петра. Онъ возмущался тѣмъ, что „иностранцы начали предписывать законы", по-артистократически ненавидѣлъ Меньшикова и съ презрѣніемъ стараго, русскаго боярина смотрѣлъ на семейныя отношенія Петра. Какъ умный человѣкъ, онъ, однако, умѣлъ принимать обстоятельства, какъ они были, мирился со многимъ и за то принадлежалъ къ очень немногимъ людямъ, сумѣвшимъ при Петрѣ сохранить независимый образъ мыслей и внушить царю нѣкоторое уваженіе къ себѣ. Его карьера была типичной карьерой петровскаго государственнаго дѣятеля. Начавъ ее, подобно многимъ молодымъ дворянамъ, въ Италіи—съ выучки морского дѣла, онъ былъ затѣмъ дипломатомъ въ Константинополѣ, потомъ сдѣлался образцовымъ губернаторомъ въ Кіевѣ и, наконецъ, оказался однимъ изъ самыхъ дѣловитыхъ президентовъ въ самой отвѣтственной изъ петровскихъ коллегій—въ камеръ-коллегіи. Тѣ познанія въ государственныхъ наукахъ, которыхъ требовала послѣдняя должность, Голицынъ успѣлъ пріобрѣсти по собственной охотѣ заблаговременно. Еще въ Кіевѣ онъ заставлялъ студентовъ духовной академіи, которымъ протежировалъ, переводить себѣ съ латинскаго, нѣмецкаго и французскаго политическихъ писателей и „усердно занимался ихъ изученіемъ" (Седеркрейцъ). Пуффендорфъ, Томазій, Гроцій, Локкъ, Маккіавели находились въ русскихъ рукописныхъ переводахъ въ его библіотекѣ и должны были познакомить его съ тогдашнею теріей государственнаго права. Приложеніе теоріи къ практикѣ началось на его глазахъ и совершалось его руками. Сперва, какъ губернаторъ, потомъ, какъ президентъ камеръ-коллегіи, онъ призванъ былъ привить къ рус-

ской жизни образцы областного и центральнаго управленія, заимствованные правительствомъ Петра изъ Швеціи. Занявъ президентскій постъ, онъ свелъ личное знакомство и съ однимъ изъ иниціаторовъ административной реформы, гамбургскимъ уроженцемъ Фикомъ. Объ огромномъ значеніи Фика для русской государственной реформы я говорилъ въ другомъ мѣстѣ[1]). Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ Фикомъ только какъ съ посредникомъ, черезъ котораго Голицынъ познакомился со шведскимъ государственнымъ правомъ. Седеркрейцъ сообщаетъ намъ, что Голицынъ широко воспользовался матеріалами по государственному праву, вывезенными Фикомъ изъ Швеціи, куда онъ былъ спеціально командированъ Петромъ. Для своего личнаго употребленія Голицынъ велѣлъ перевести всѣ эти инструкціи, указы и т. д. на русскій языкъ. Но этимъ не ограничивались сношенія Голицына съ Фикомъ. Начальникъ часто приглашалъ къ себѣ подчиненнаго, чтобы воспользоваться его личной бесѣдой. Рѣчь заходила между ними „о старой и новой исторіи, также о различіяхъ между религіями", и гость за трубкой табаку, предложенною любезнымъ хозяиномъ, засиживался далеко за полночь. Не забудемъ, что тотъ же радушный хозяинъ своимъ младшимъ братьямъ, изъ которыхъ одинъ былъ фельдмаршалъ, а другой—сенаторъ, не позволялъ въ своемъ присутствіи садиться безъ спеціальнаго приглашенія, а всѣхъ младшихъ родственниковъ заставлялъ цѣловать себѣ руку.

О чемъ собственно могла идти рѣчь въ этихъ ночныхъ бесѣдахъ, легко представить себѣ, если вспомнимъ, что Фикъ въ Швеціи „получилъ вкусъ къ республиканскому правленію", а въ религіозныхъ вопро-

[1]) См. мое „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра В." Спб. 1892, стр. 579 и слѣд., 590 и слѣд., 615 и слѣд.

сахъ былъ свободнымъ мыслителемъ, что тогда значило —быть совершеннымъ матеріалистомъ, и не держалъ своихъ воззрѣній въ секретѣ. Конституціонное прошлое Швеціи, о которомъ Фикъ постоянно говоритъ въ своихъ докладахъ Петру, было ему хорошо извѣстно,— можетъ быть лучше, чѣмъ ея настоящее, т. е., чѣмъ переворотъ, совершившійся въ 1720 году, уже послѣ его поѣздки въ Швецію. Въ этомъ переворотѣ Фикъ долженъ былъ узнать и привѣтствовать возвращеніе къ старымъ, болѣе свободнымъ политическимъ формамъ, уничтоженнымъ въ концѣ XVII вѣка Карломъ XI. Для Петра Великаго это не годилось, да Фикъ и не успѣлъ тогда еще получить точныхъ свѣдѣній о переворотѣ. Петру нужна была для заимствованій именно Швеція Карла XI-го, нужна была бюрократическая, а не конституціонная монархія. Сообразно съ этимъ, самъ Фикъ заявлялъ впослѣдствіи на оффиціальномъ допросѣ, что при Петрѣ онъ былъ больше бюрократомъ, чѣмъ либераломъ. Однако, въ одномъ изъ своихъ донесеній Петру онъ, хотя робко, но все же довольно опредѣленно совѣтовалъ учредить нѣсколько „высшихъ инстанцій", между которыми слѣдовало распредѣлить „выполненіе" распоряженій, вытекающихъ изъ царской прерогативы. Послѣ смерти Петра, Фикъ сталъ смѣлѣе; несомнѣнно, при его участіи была дѣйствительно учреждена такая высшая инстанція—„верховный тайный совѣтъ". Иностранцы довольно единодушно считали учрежденіе верховнаго совѣта „первымъ шагомъ къ измѣненію формы правленія по образцу Англіи или Швеціи". Смыслъ этого измѣненія они столь же единодушно видѣли въ „уменьшеніи деспотической власти государя" и въ уничтоженіи тираніи временщиковъ. Одинъ изъ иностранныхъ дипломатовъ даже предсказывалъ, что московскіе бояре кончатъ тѣмъ, что захватятъ верховную власть и „заставятъ дать себѣ прерогативы, какія сочтутъ необходимыми для устрой-

ства правленія, подобнаго англійскому“[1]). Очевидно, „московскіе бояре“ и вліятельнѣйшій изъ нихъ, кн. Д. М. Голицынъ, не скрывали своихъ дальнѣйшихъ намѣреній: тотъ же иностранный дипломатъ, еще до учрежденія верховнаго совѣта, замѣчалъ, что они ждутъ для измѣненія формы правленія перваго внутренняго замѣшательства.

Итакъ, вотъ съ которыхъ поръ—съ самой смерти Петра[2])—князь Д. М. Голицынъ выжидалъ удобной минуты, чтобы осуществить свой проектъ государственной реформы. „Кондиціи“ должны были только довершить то, что начато было учрежденіемъ „верховнаго совѣта“. Если въ учрежденіи совѣта мы могли съ большою вѣроятностью предположить участіе Фика, то въ составленіи Голицынскаго конституціоннаго проекта его участіе является вполнѣ несомнѣннымъ. Несомнѣннымъ оно было уже для всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ случай наблюдать поведеніе Фика въ эти недѣли.

Фикъ оставался въ Петербургѣ, когда въ Москвѣ, неожиданно для всѣхъ, началось государственное „дѣйство“. При первыхъ извѣстіяхъ о готовящемся переворотѣ, онъ не могъ скрыть своей радости. Въ самомъ засѣданіи коммерцъ-коллегіи, вице-президентомъ которой онъ былъ съ 1726 г., онъ громко читалъ своимъ сослуживцамъ знаменитые „пункты“ и „хвалился, что далъ къ тому поводъ“. Нѣсколько позже шведскій резидентъ въ Петербургѣ, Моріанъ, доносилъ, что Фика считали „стоявшимъ въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ 28 господъ, стремившихся къ свободѣ и положившихъ начало отмѣнѣ самодержавія, для чего стат. совѣт. Фикъ не только указалъ, что въ подобныхъ случаяхъ

[1]) Подробнѣе объ условіяхъ, при которыхъ возникъ верховный совѣтъ и о роли Фика при его учрежденіи, см. въ моей книгѣ: „Государственное хозяйство Россіи“, стр. 675—679.

[2]) Лефортъ, отъ 5 февр.: Depuis Pierre I il a toujours eu en *vue de* tronquer la souveraineté.

дѣлалось и установлялось въ другихъ государствахъ, но и самъ изготовилъ нѣсколько пунктовъ и условій, ограничивавшихъ ея величество". Можетъ быть и эти свѣдѣнія были почерпнуты изъ „похвальбы" Фика[1]).

Близкія отношенія Фика къ перевороту обнаружились, далѣе, и въ томъ, что Фикъ не усидѣлъ въ Петербургѣ. Въ самый разгаръ зимы онъ поѣхалъ въ Москву, очевидно, съ намѣреніемъ принять дѣятельное участіе въ событіяхъ. Но событія шли быстро, и когда Фикъ пріѣхалъ въ Москву, здѣсь все уже было кончено. Ему оставалось только объяснить благовиднымъ образомъ свой пріѣздъ и постараться стать въ хорошія отношенія съ новымъ правительствомъ. Этого ему, однако, уже не удалось сдѣлать. Его противники выставили его,—очевидно, не безъ основанія,—соучастникомъ кн. Д. М. Голицына. Въ аудіенціи у государыни ему было отказано. Вмѣсто того, на квартиру къ нему явился офицеръ съ четырьмя солдатами, съ повелѣніемъ немедленно отвезти его назадъ въ С.-Петер-

---

[1]) Моріанъ доноситъ далѣе: „Замѣчательно, что когда я въ послѣднюю Пасху, по обычаю страны, поздравлялъ съ праздникомъ адмирала Сиверса, онъ прямо началъ говорить объ этомъ и спрашивать о причинахъ поспѣшнаго возвращенія Фика изъ Москвы (см. слѣд. стран.), которыя я ему и изложилъ, какъ слышалъ отъ самого Фика. Адмиралъ при этомъ принялъ видъ особой довѣренности и фамильярности, потрепалъ меня по плечу и сказалъ: вотъ такъ-то всѣ вы, господа дипломаты. Я—морякъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что я прямъ и ничего не скрываю. И онъ повторилъ разсказанныя выше обстоятельства относительно соучастія Фика со многими въ отмѣнѣ самодержавія. При этомъ онъ какъ бы желалъ, чтобы я признался, или что я тоже слышалъ, что г. Фикъ самъ этимъ хвалился, или что я другимъ путемъ имѣю нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ, говоря, что все это не могло остаться мнѣ неизвѣстнымъ, такъ какъ я каждый день бывалъ въ домѣ у Фика. Я отвѣчалъ, что ничего подобнаго не слыхалъ отъ другихъ, а тѣмъ болѣе отъ самого Фика, котораго я считаю достаточно благоразумнымъ, чтобы не открываться въ такомъ деликатномъ дѣлѣ иностранцу". Минихъ, какъ оказалось, того же мнѣнія о Фикѣ, хотя „говоритъ объ этомъ осторожнѣе, чѣмъ другіе".

бургъ [1]). Въ концѣ 1731 года онъ былъ судимъ отдѣленіемъ коллегіи по лифляндскимъ и эстляндскимъ дѣламъ. Хотя слѣдствіе и не могло уличить его ни въ чемъ другомъ, кромѣ легкомысленныхъ разговоровъ, онъ все-таки былъ осужденъ (12 февраля 1732 г.) на пожизненную ссылку съ отнятіемъ всѣхъ пожалованныхъ ему имѣній. Онъ прожилъ около Тобольска до 1743 г. Елизавета, вступивши на престолъ, „вспомнила о старомъ, усердномъ слугѣ голштинскаго дома". Фикъ былъ возвращенъ и получилъ часть своихъ лифляндскихъ имѣній. Онъ дожилъ до 1750 года, сохранивъ до послѣднихъ дней атеистическій образъ мыслей и бодрое настроеніе.

Возвращаясь къ проекту Голицына, мы поймемъ теперь, почему этотъ проектъ напомнилъ шведскому изслѣдователю старинную „форму правленія" 1634 года и вообще шведскій аристократическій строй временъ регентствъ. Объ этомъ строѣ Фикъ бесѣдовалъ съ Голицынымъ задолго до того времени, когда оба они получили точныя извѣстія о переворотѣ 1720 года. Вотъ почему Голицынъ, дѣлая заимствованія изъ государственныхъ актовъ 1720 года, не забылъ и тѣхъ переводовъ съ оригиналовъ, вывезенныхъ Фикомъ изъ Швеціи, по которымъ онъ впервые познакомился съ основными чертами шведской конституціи. Первыя впечатлѣнія, очевидно, и въ этомъ случаѣ были самыми сильными.

Принимая такое объясненіе, мы уже не будемъ имѣть нужды объяснять подборъ источниковъ, сдѣланный Голицынымъ[2]), какими-нибудь его олигархическими симпатіями. Несомнѣннымъ кажется намъ, что и въ цѣляхъ задуманнаго переворота не было ничего олигархическаго. Цѣли эти всѣми сторонниками „кондицій" понимались совершенно одинаково. „Нынѣ имперія

[1]) Все это, по сообщенію Дитмера отъ 26 марта, у Іерне, стр. 269.

[2]) Или, можетъ быть, Фикомъ для Голицына?

Российская стала сестрица Швеціи и Польшѣ,—разсуждалъ въ Петербургѣ по этому поводу Финъ; россіяне нынѣ умны, повеже не будутъ имѣть фаворитовъ такихъ, какъ были Меньшиковъ и Долгорукій, отъ которыхъ все зло происходило". А другой авторъ „пунктовъ", самъ Голицынъ, въ тѣ же самые дни въ Москвѣ убѣждалъ всѣхъ и каждаго, что „отнынѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ". Братъ Дмитрія Михайловича, фельдмаршалъ Голицынъ, развивалъ еще подробнѣе преимущества новой формы правленія передъ Дитмеромъ. Съ этихъ поръ, разсуждалъ онъ, не будетъ болѣе произвольныхъ казней, ссылокъ, конфискацій; мало того, новое правительство всячески будетъ стараться уменьшить ненужные расходы, запретитъ лишніе поборы, дастъ свободу торговлѣ, обезпечитъ каждому сохранность его имущества и понизитъ неслыханную высоту процента путемъ учрежденія банка. Отъ начинателей то же радужное настроеніе распространялось и на ихъ сторонниковъ. Извѣстный уже намъ бригадиръ Козловъ съ восторгомъ разсказывалъ казанскимъ обывателямъ, что государыня теперь „ни послѣдней табакерки изъ государевыхъ сокровищъ не можетъ себѣ взять", не будетъ раздавать деревень и денегъ, не будетъ приближать ко двору своихъ свойственниковъ,—словомъ, говорилъ Козловъ, „теперь у насъ правленіе государства стало порядочное, какого нигдѣ не бывало, и нынѣ уже прямое теченіе дѣламъ будетъ; и уже больше Бога не надобно просить, кромѣ, чтобы только между главными согласіе было. А если будетъ между ими согласіе такъ, какъ положено, то, конечно, никто сего опровергнуть не можетъ". „Если будетъ согласіе", то предположенная реформа должна осуществиться: это повторяли, подобно бригадиру Козлову, и многіе изъ иностранныхъ дипломатовъ. Верховники сказали свое слово. Превратится ли слово въ дѣло,—это зависѣло теперь отъ того, что скажетъ русское общество.

VI.

По случаю предполагавшагося бракосочетанія Петра II, въ Москвѣ собралось въ январѣ 1730 года все, что было вліятельнаго и выдающагося въ Россіи. Здѣсь были члены сената и синода, генералитетъ съ третьимъ фельдмаршаломъ во главѣ, кн. Трубецкимъ, не введеннымъ въ верховный совѣтъ и поэтому жестоко обиженнымъ,—многіе изъ представителей высшей администраціи и наконецъ шляхетство не только гвардейское, но и армейское, и даже частью отставное. По разсчету проф. Корсакова, изъ 170 человѣкъ, составлявшихъ, за вычетомъ верховниковъ, тогдашній генералитетъ[1], 87 человѣкъ присутствовали въ Москвѣ и принимали участіе въ московскихъ совѣщаніяхъ шляхетства. Штабъ и оберъ-офицеровъ тотъ же авторъ по присяжнымъ листамъ насчитываетъ до 2.000 человѣкъ; а подъ проектами, представленными въ совѣтъ шляхетствомъ, находимъ до 1.100 подписей. Очевидно, московскія событія задѣли шляхетство за живое[2].

Волненіе среди собравшагося въ Москву общества началось, дѣйствительно, тотчасъ же, какъ только распространились слухи о намѣреніяхъ верховниковъ. Яркая картина этого волненія набросана Ѳеофаномъ Одна часть московской интеллигенціи была несогласна въ

[1]) Т. е. высшіе четыре класса по табели о рангахъ.

[2]) Въ своей рецензіи на книгу проф. Корсакова, проф. Загоскинъ обратилъ вниманіе на то, что многіе подписывались по нѣскольку разъ подъ разными проектами: именно изъ 1.100 лицъ, подписавшихся подъ восемью проектами, болѣе трети, 383 лица, подписались по нѣскольку разъ („Верховники и шляхетство", стр. 231). Проф. Загоскинъ заключилъ изъ „этого курьезнаго факта", что шляхетство подписывалось, нисколько не интересуясь содержаніемъ проектовъ и относясь къ нимъ индифферентно: „сегодня пріятель подсунулъ проектъ,—чтожъ его подписать; завтра предлагаетъ подписать проектъ начальникъ или лицо, отказать которому неудобно по личнымъ или товарищескимъ отношеніямъ,—подписывается другой проектъ", и т. д. Этимъ индифферентизмомъ проф. Загоскинъ объясняетъ и „ту простоту и легкость", съ какими шляхетство, за нѣсколько дней

принципѣ съ верховниками, желая „старое и отъ прародителей воспріятое государства правило удержать непремѣнно". Другая, притомъ болѣе многочисленная и болѣе вліятельная, готова была признать пользу реформы, но была обижена тѣмъ, что ея мнѣнія не спросили. „Передѣлывать составъ государства" въ небольшомъ кружкѣ—значило, какъ она полагала, брать на себя слишкомъ большую отвѣтственность. „И хотя бы они преполезное нѣчто усмотрѣли, однакожъ скрывать то передъ другими, а наипаче и правительствующимъ особамъ не сообщать—непріятно то и смрадно пахнетъ", разсуждали московскіе конституціоналисты изъ генералитета и шляхетства.

Естественно, что недовольство обѣихъ партій усилилось, когда стало извѣстно содержаніе „кондицій". Защитники самодержавія видѣли въ нихъ раздѣлъ власти между восемью лицами, вызванный „несытымъ лакомствомъ и властолюбіемъ" верховниковъ. Въ результатѣ этого раздѣла они предсказывали междоусобныя войны, возвращеніе Россіи въ тотъ „скаредный" видъ, который она имѣла, „когда на многая княженія расторжена бѣдствовала", всеобщую анархію и т. д. Съ другой стороны, люди, сочувствовавшіе ограниченію самодержавія, не находили въ планѣ Голицына достаточныхъ гарантій законности. „Кто намъ поручится,—спрашивали они,—что со временемъ, вмѣсто одного государя, не

до того подписавшееся подъ различными проектами, яко бы выражавшими ихъ „политическое умоначертаніе", 25 февраля... не задумалось поднести Аннѣ Ивановнѣ „полное самодержавіе". Одна изъ цѣлей этой статьи—показать, что всѣ эти факты допускаютъ и иное объясненіе. При менѣе механическомъ сопоставленіи проектовъ, при болѣе внимательномъ изученіи ихъ генезиса и взаимной связи—подписываніе нѣсколькихъ проектовъ доказываетъ, какъ увидимъ, не равнодушіе, а, напротивъ, напряженный интересъ, съ какимъ шляхетство слѣдило за быстро развивавшимися событіями и старалось къ нимъ приспособиться. На сколько стойко было шляхетство въ своихъ главныхъ требованіяхъ, видно будетъ изъ всего дальнѣйшаго изложенія.

явится столько тирановъ, сколько членовъ въ совѣтѣ, и что они своими притѣсненіями не увеличатъ нашего рабства? У насъ нѣтъ установленныхъ законовъ, которыми могъ бы руководиться совѣтъ; если его члены станутъ сами издавать законы, то они во всякое время могутъ ихъ уничтожить"[1]). Надо сказать, что эти замѣчанія прямо указывали на самый существенный пробѣлъ въ проектѣ Голицына, отмѣченный и новѣйшимъ историкомъ (Герне). Дѣло въ томъ, что не только въ „пунктахъ", но и въ полномъ проектѣ Голицына вопросъ о конституціонныхъ гарантіяхъ и объ организаціи законодательной власти оставался совершенно обойденнымъ; между тѣмъ, соотвѣтственныя постановленія существовали, конечно, въ шведскихъ источникахъ Голицынскаго проекта.

Оспаривая право совѣта на законодательную власть въ будущемъ, конституціонная партія оспаривала также его право на учредительную власть въ настоящемъ. Она полагала, что новое государственное устройство должно быть выработано особымъ учредительнымъ собраніемъ, болѣе широкимъ, чѣмъ совѣтъ, по соціальному составу. Законодательная власть въ будущемъ строѣ также не должна была быть монополіей какой-либо правящей корпораціи, а достояніемъ „общенароднаго" правительства. Этого рода возраженій противъ своего проекта Голицынъ съ Фикомъ навѣрное не предвидѣли. Но тѣмъ, кто захотѣлъ бы, на этомъ основаніи, обвинять Голицына въ узости взглядовъ, пришлось бы обвинить въ такой же узости и взгляды ихъ противниковъ. Подъ „общенародіемъ", которому слѣдовало дать участіе въ учредительной и законодательной власти, и московская конституціонная партія разумѣла одно только шляхетство. Заговоривъ объ общенародныхъ гарантіяхъ, это шляхетство, какъ увидимъ, кончило вы-

1) Лефортъ, отъ 26 января.

работкой проекта дворянскихъ льготъ. Интересы же другихъ сословій занимали московское шляхетство едва ли въ большей степени, чѣмъ кн. Голицына.

Въ ночныхъ собраніяхъ шляхетства дѣло не ограничилось одними теоретическими разсужденіями. Московскіе кружки рѣшились дѣйствовать и, въ этомъ случаѣ, опять раздѣлились на два лагеря. Принципіальные противники проекта верховниковъ склонялись къ „дерзкому“ рѣшенію: „на верховныхъ господъ, когда они въ мѣсто свое соберутся, напасть незапно оружною рукою и, если не похотятъ отстать умысловъ своихъ, смерти всѣхъ предать“. Сторонники ограниченія царской власти предпочитали „другое мнѣніе—кроткое“: явиться въ верховный совѣтъ и убѣдить верховниковъ—„призвать ихъ въ свое дружество“ и дѣйствовать сообща. Но первое мнѣніе казалось многимъ слишкомъ „лютымъ и удачи неизвѣстной“, другое, напротивъ,—слишкомъ „слабымъ и недѣйствительнымъ“; время проходило въ разговорахъ и „все ихъ дѣйствіе день по дню знатно простывало“, по выраженію Ѳеофана.

Верховный совѣтъ также не оставался въ бездѣйствіи. По картинному описанію того же Ѳеофана, верховники были „не безъ страха, когда не знали они, какъ дремливо было противниковъ дѣйствіе; но когда сіе узнали, показывали себя грозныхъ и яростныхъ. Нарочно отъ нихъ разсѣвался слухъ о страшныхъ на противниковъ своихъ угроженіяхъ: и что мятежныя ихъ сонмища верховному совѣту гораздо вѣдомы; и что непокойныя оныя головы судятся яко непріятели отечествія, и скоро пошлется—или уже и послано—ловить ихъ за арестъ; и что дурно они на множество свое уповаютъ, понеже въ числѣ верховныхъ и главные полководцы обрѣтаются; и что никому изъ нихъ утаиться и избѣжать бѣды нельзя, понеже немногіе пойманные покажутъ на пыткахъ и прочихъ, и явится, кто каковой казни достойны будутъ“. Дѣйствуя, такимъ образомъ,

страхомъ на сторонниковъ самодержавія, совѣтъ старался привлечь къ себѣ конституціонную партію убѣжденіями и обѣщаніями. Верховники соглашались отдать вопросъ о новомъ государственномъ устройствѣ на обсужденіе „всѣхъ чиновъ", какъ только получено будетъ извѣстіе о согласіи императрицы на посланные къ ней „пункты". Въ ожиданіи отвѣта Анны, члены совѣта обсуждали,—конечно, въ неоффиціальныхъ засѣданіяхъ,—конституціонный проектъ, предложенный Голицынымъ.

Перваго февраля согласіе Анны на предложенныя ей кондиціи было, наконецъ, получено. На второе число, въ 9 час. утра, было назначено торжественное засѣданіе совѣта для выслушанія вѣстей изъ Митавы. На это собраніе приглашены были въ совѣтъ члены сената, синода, генералитета до бригадирскаго чина, президенты коллегій и гражданскіе чины первыхъ четырехъ классовъ. Разносившіе повѣстки словесно сообщали, что въ засѣданіи „о государственномъ установленіи совѣтовать будутъ". Замѣчено было также, что въ повѣсткахъ вмѣсто оффиціальнаго выраженія: „совѣтъ указываетъ"—употреблено было болѣе мягкое: „призываетъ".

Конституціонная партія, составлявшая большинство, по свидѣтельству ея противника Ѳеофана, выводила изъ этихъ признаковъ, что совѣтъ „въ затѣйкахъ своихъ раскаялся и хощетъ просить себѣ въ томъ прощенія, какъ то члены его въ недавнихъ разговорахъ и обѣщались". Непримиримые противники верховнаго совѣта, напротивъ, убѣждали всѣхъ не идти на засѣданіе, „внушая, что это—новая верховниковъ хитрость и злое изобрѣтеніе",—именно, что они хотятъ вынудить согласіе на свои „затѣйки", а „противящихся себѣ вдругъ придавить".

Обѣ партіи были по своему правы. Своихъ противниковъ совѣтъ, дѣйствительно, хотѣлъ запугать страхомъ. Въ переходахъ, сѣняхъ и даже въ самой залѣ засѣданія совѣта въ кремлевскомъ дворцѣ разставлены

были войска. Верховники рѣшились осуществить свои угрозы: въ самомъ засѣданіи былъ арестованъ одинъ изъ самыхъ видныхъ сторонниковъ самодержавія, Ягужинскій. Но, съ другой стороны, конституціонная партія имѣла полное основаніе смотрѣть на засѣданіе 2-го февраля какъ на исполненіе даннаго верховниками обѣщанія. Смыслъ этого обѣщанія понимался, правда, верховниками и конституціонною партіей весьма различно. Ничего подобнаго „раскаянію“ и „просьбамъ о прощеніи“ московскимъ конституціоналистамъ не пришлось выслушать на засѣданіи. Засѣданіе началось съ того, что прочтены были кондиціи и письмо Анны, заготовленное еще въ Москвѣ верховниками и представлявшее „кондиціи“ добровольною уступкой со стороны императрицы. Потомъ кн. Голицынъ сказалъ рѣчь, въ которой было больше красивыхъ фразъ, чѣмъ опредѣленныхъ обязательствъ. Кн. Дмитій Михайловичъ выражалъ надежду, что присутствующіе, „какъ дѣти отечества“, будутъ искать общей пользы и благополучія государству. Затѣмъ наступило неловкое молчаніе. Напрасно Голицынъ нѣсколько разъ принимался говорить о милости и благодѣяніи императрицы, о будущемъ благоденствіи и процвѣтаніи Россіи, —онъ не встрѣтилъ ни возраженій, ни поддержки. Настроеніе собранія было явно враждебное совѣту и плохо гармонировало съ демонстративнымъ восторгомъ, обнаруженнымъ кн. Голицынымъ. Партія самодержавія была поражена согласіемъ императрицы на уступки; партія ограниченія власти ожидала перваго шага на встрѣчу со стороны совѣта. Верховникамъ самимъ, наконецъ, сдѣлалось неловко: они, какъ говоритъ Ѳеофанъ, „тихо нѣчто одни другимъ пошептывали и, остро глазами посматривая, притворялись будто и они яко невѣдомой себѣ и нечаянной вещи удивляются“, холодности собранія. Наконецъ, кн. Голицынъ сталъ „нарекать“: „для чего никто ни одного слова не проговоритъ? Изволилъ

бы сказать, кто что думаетъ, хотя и нѣтъ де ничего другого говорить, только благодарить той милосердной государынѣ". Среди общаго молчанія какой-то смѣльчакъ изъ сторонниковъ самодержавія „тихимъ голосомъ съ великою трудностію промолвилъ: „не вѣдаю де и весьма чуждуся, отчего на мысль пришло государынѣ такъ писать". Наступила новая пауза. Тогда кн. А. М. Черкасскій, человѣкъ лишенный обыкновенно всякой иниціативы, выступилъ съ вопросомъ: „какимъ образомъ впредь то правленіе быть имѣетъ"? Въ неловкой формѣ, это былъ, очевидно, именно тотъ самый вопросъ—объ организаціи учредительной и законодательной власти,—который раздѣлялъ верховниковъ и конституціонное большинство московскаго шляхетства. Будучи *первымъ* оффиціальнымъ заявленіемъ конституціонной партіи, этотъ вопросъ вызвалъ и первую оффиціальную уступку ей со стороны верховниковъ. Отъ лица совѣта Голицынъ предложилъ представителямъ этой партіи, „чтобы они, ища общей государственной пользы и благополучія, написали проектъ отъ себя и подали на другой день". Сдѣлавъ эту уступку, Голицынъ, вѣроятно, полагалъ, что исполняетъ этимъ вполнѣ обѣщаніе, данное своимъ единомышленникамъ изъ шляхетства,—допустить ихъ къ участію въ обсужденіи новаго государственнаго устройства. Мы скоро увидимъ, что шляхетство думало объ этомъ совершенно иначе.

Какъ бы то ни было, вопросъ о государственной реформѣ вступалъ теперь въ новый фазисъ. Верховный совѣтъ призналъ голосъ, по крайней мѣрѣ, совѣщательный, за другой общественною группой, помимо себя. Получивъ оффиціальное разрѣшеніе выработать свой собственный проектъ, руководители конституціонной партіи были вполнѣ готовы къ тому, чтобы воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ немедленно.

VII.

„24 ноября" (т. е. всего пять дней спустя послѣ смерти Петра II).—писалъ шведскій посланникъ Дитмеръ,—встрѣтился со мной статскій совѣтникъ Татищевъ[1]) и сказалъ, что за день передъ тѣмъ онъ читалъ кое съ кѣмъ шведскую „форму правленія" (конечно 1720 года) и въ ней нашелъ ссылки на различныя другія распоряженія и постановленія риксдаговъ, которыхъ здѣсь не достанешь. Поэтому онъ просилъ меня добыть ихъ, говоря, что охотно заплатитъ, что они будутъ стоить". Ловкій дипломатъ „отвѣтилъ, что не знаетъ хорошенько, какія собственно распоряженія и постановленія риксдаговъ цитируются въ „формѣ правленія", но наведетъ справки и потомъ при случаѣ дастъ отвѣтъ, а между тѣмъ справится у Остермана, могутъ ли подобныя посылки быть доставлены почтой". Но упомянутый статскій совѣтникъ,—прибавляетъ не безъ скрытой ироніи Дитмеръ,—полагалъ, что нѣтъ надобности сообщать объ этомъ кому бы то ни было, но что онъ готовъ заплатить издержки и въ другой разъ поговоритъ объ этомъ подробнѣе".

Это любопытное извѣстіе приводитъ насъ прямо къ самому центру политическаго броженія шляхетства и, можетъ быть, въ самый моментъ образованія этого центра. Бесѣды Татищева „кое съ кѣмъ" имѣли очень важныя и видныя послѣдствія. Разговоровъ, конечно, вообще было много; но когда настало время дѣйствовать, первымъ началъ дѣйствовать кружокъ Татищева. Въ засѣданіе 2-го февраля Татищевъ не могъ быть приглашенъ, будучи только статскимъ, а не дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ; но другіе участники его бесѣдъ явились, и повидимому съ заранѣе условленнымъ планомъ дѣйствій.

---

[1]) Извѣстный русскій историкъ.

Только такимъ предварительнымъ уговоромъ можно обозначить упомянутое выше заявленіе князя Черкасскаго. Получивъ разрѣшеніе написать проектъ, бывшіе въ засѣданіи сторонники конституціонной партіи собрались немедленно послѣ засѣданія въ домѣ одного изъ участниковъ—сенатора В. Е. Новосильцева. Въ этомъ „немаломъ собраніи" докладчикомъ выступилъ Татищевъ и предложилъ собранію свои соображенія, заранѣе заготовленныя, по четыремъ пунктамъ. Онъ ставилъ, во-первыхъ, вопросъ: кому принадлежитъ власть по кончинѣ государя „безнаслѣдственнаго", и рѣшалъ этотъ вопросъ,—съ своей любимой точки зрѣнія „естественнаго права"[1]),—въ томъ смыслѣ, что кончина государя „подданныхъ отъ присяги освобождаетъ" и власть переходитъ къ „общенародію"; существующія же учрежденія сохраняютъ, для поддержанія порядка, лишь ту власть, которую имѣли „по прежнимъ законамъ". Этимъ разрѣшался и второй вопросъ: „кто въ такомъ случаѣ можетъ законъ или обычай застарѣлый перемѣнить и новый учинить?" „Никто не можетъ, развѣ общенародное соизволеніе", отвѣчалъ Татищевъ. Такимъ образомъ, и избраніе государя „по закону естественному должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ,—нѣкоторыхъ персонально, другихъ же черезъ повѣренныхъ". Присвоивъ исключительно себѣ право—опредѣлять наслѣдованіе престола, верховники нарушили права „шляхетства и другихъ сановъ", которые должны „оное свое право защищать по крайней возможности, не давая тому закоснѣть". Впрочемъ за этимъ возраженіемъ кружокъ оставлялъ только формальное значеніе[2]), признавая, что въ данномъ случаѣ „весь народъ персоною ея величества доволенъ, и никто не споритъ". Важнѣе, по

[1]) См. объ этомъ въ моей книгѣ:—„Главныя теченія русской исторической мысли", томъ I, 2 изд., М. 1898, стр. 22 и слѣд.; также въ „Очеркахъ по исторіи русской культуры", т. III, вып. 2, стр. 210—222.

[2]) „Токмо сіе должно протестовать для предка".

мнѣнію шляхетства, другое злоупотребленіе совѣта: самовольное измѣненіе формы правленія. Въ этомъ вопросѣ шляхетство имѣетъ право „прилежностью разсмотрѣть и потому представить, что къ пользѣ государства надлежитъ". Такимъ образомъ, шляхетство должно рѣшить еще третій и четвертый вопросы, поставленные Татищевымъ въ логическомъ порядкѣ. Если необходимо перемѣнить „самовластное древнее правительство", то какая форма правленія „по состоянію народа" должна быть признана наилучшею? Кому и какимъ образомъ должно „сочинить" новый государственный строй?

Наилучшею формой правленія Татищевъ призналъ, —какъ признавалъ и всегда,—монархію. „Къ премѣненію правительства,—заявлялъ онъ,—никакой нужды, ни пользы нѣтъ, развѣ великій вредъ". Этотъ пунктъ вызвалъ горячіе споры, характеризующіе политическую неподготовленность тогдашней московской интеллигенціи. Для самого Татищева было, повидимому, не всегда ясно въ этомъ спорѣ, какую монархію онъ защищаетъ: неограниченую или конституціонную. Для его противниковъ, въ свою очередь, тоже было неясно, противъ чего и во имя чего они возражаютъ: противъ ли неограниченной монархіи во имя конституціонной или противъ конституціонной монархіи во имя республики. Татищевъ понялъ ихъ воззрѣнія, повидимому, въ послѣднемъ смыслѣ и, защищая монархію противъ республики[1]), забывалъ, кажется, въ жару спора, какую монархію защищаетъ, конституціонную или неограниченную. Воз-

[1]) Этой неясности способствовала самая терминологія и классификація государственныхъ формъ, принятая Татищевымъ. Онъ различаетъ три основныя формы: монархію, аристократію и демократію. Верховники, по этой терминологіи, „дерзнули единовластительство оставить и ввести аристократію". Между тѣмъ, по его же словамъ въ другихъ мѣстахъ „Разсужденія", выходитъ, что „аристократія" и даже „демократія" не исключаютъ „монархіи; такъ, въ Англіи совмѣщаются всѣ три формы: король, палата лордовъ („аристократія") и палата общинъ („общенародіе" или демократія).

раженія противъ монархіи состояли въ томъ, что дать „единому человѣку великую власть надъ всѣмъ народомъ", какъ бы онъ ни былъ добродѣтеленъ, опасно, такъ какъ и такой человѣкъ можетъ дать волю своимъ страстямъ и произволу; что при подобной формѣ правленія приходится терпѣть отъ временщиковъ и тайныхъ канцелярій. Татищевъ отвѣчалъ на это, что на произволъ монарха надо смотрѣть какъ на Божеское наказаніе; что временщики, и притомъ болѣе опасные, могутъ явиться также и въ республикѣ; что тайная канцелярія не можетъ быть вредна, если поручить ее „человѣку благочестному", а дурные начальники „не долго тѣмъ наслаждаяся, сами исчезаютъ". Какъ видимъ изъ этихъ отвѣтовъ, Татищевъ былъ не особенно опытнымъ конституціоналистомъ и врядъ ли успѣлъ еще самъ для себя уяснить, какъ мирится его всегдашняя идея о пользѣ самодержавія для Россіи съ предполагавшимся ограниченіемъ самодержавной власти. Какъ бы то ни было, рѣчь идетъ, очевидно, не о защитѣ монархіи противъ конституціонныхъ стремленій, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ, отвѣчая на четвертый вопросъ, Татищевъ развилъ собственную свою конституціонную теорію.

Переходъ отъ защиты монархіи къ мотивировкѣ конституціоннаго проэкта сдѣланъ былъ, правда, тоже не особенно ловко. Новое устройство учреждается, по Татищеву, „для помощи ея величеству", — „на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ". Такимъ образомъ, ограниченіе самодержавія оправдывается тѣмъ, что императрицей выбрана герцогиня курляндская, которая, „какъ есть персона женская, къ такъ многимъ трудамъ неудобна; паче-жъ ей знанія законовъ не достаетъ". Покончивъ съ этимъ затруднительнымъ пунктомъ, Татищевъ снова становится на принципіальную точку зрѣнія. Для обсужденія новаго государственнаго устройства онъ предлагаетъ „требовать" отъ верховнаго совѣта немедленнаго созыва вы-

рой воли императрицы, Татищевъ тотчасъ же затѣмъ вводитъ и принципіальное соображеніе, въ силу котораго законодательная власть *должна* быть передана „кому-либо“, чтобы предупредить случайность и произволъ законодателя. Разъ уже рѣшена передача законодательной власти,—является вопросъ объ организаціи законодательнаго органа. „*Одному* повѣрить“ составленіе законовъ, по Татищеву, также „невозможно“, „хотя бы онъ и искусенъ и въ намѣреніи никоея собственныя страсти не имѣлъ,—по природѣ легко погрѣшить можетъ“. Поэтому, изданіе законовъ должно быть организовано слѣдующимъ образомъ. Законопроэкты составляются всѣми коллегіями; каждая представляетъ свой проэктъ (или проэктъ отдѣльнаго члена) „вышнему правительству“, которое „по довольномъ разсужденіи сочиняетъ“ законъ и „представляетъ къ утвержденію“ ея величеству. Въ составѣ вышняго правительства не можетъ быть болѣе одного лица изъ одной и той же фамиліи; въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ не могутъ засѣдать вмѣстѣ близкіе родственники. Каждый мѣсяцъ вышнее правительство назначаетъ двухъ депутатовъ для наблюденія за „справедливостью“ въ тайной канцеляріи. Аресты производятся въ присутствіи одного депутата изъ знатныхъ, для наблюденія за цѣлостью „пожитковъ“ арестуемаго. Шляхетство получаетъ слѣдующія преимущества. Прежде всего приводится въ извѣстность составъ „подлиннаго шляхетства“, и отъ стариннаго столбового дворянства отдѣляется „въ особую книгу“ дворянство новое: „которые изъ солдатъ, гусаръ, однодворцевъ и подьячихъ“. Принадлежность къ шляхетству доказывается, кромѣ древности рода, исключительно жалованными грамотами. Не имѣющіе этого доказательства исключаются изъ шляхетскихъ списковъ. Законъ о единонаслѣдіи отмѣняется. Шляхетская военная служба начинается не ранѣе восемнадцатилѣтняго возраста и ограничивается двад-

цатилѣтнимъ срокомъ; въ матросахъ и ремесленникахъ шляхетство не служитъ. Наконецъ, по всѣмъ городамъ устраиваются шляхетскія училища. Какъ видимъ, проэктъ Татищева носитъ преимущественно дворянскій характеръ; въ немъ приняты въ соображеніе всѣ важнѣйшія желанія тогдашняго дворянства. Но и для другихъ сословій, духовенства и купечества, въ заключительныхъ пунктахъ проэкта предполагаются нѣкоторыя льготы: для духовенства—устройство духовныхъ училищъ и обезпеченіе содержаніемъ, „чтобы деревенскіе могли дѣтей своихъ въ училищахъ содержать и сами не пахали-бъ“, для купечества—освобожденіе отъ постоевъ и притѣсненій, а также нѣкоторыя мѣры въ пользу торговли и промышленности. Проэктъ кончался требованіемъ немедленной передачи его въ *учредительную коммисію*, выбранную „всѣмъ шляхетствомъ„ въ составѣ „не меньше ста человѣкъ“. Мѣсто и время собранія эгой комиссіи должно было быть опредѣлено, „конечно, того же дня или на завтра“, „чтобы сіе не опущая времени начать“.

На собраніи 2 февраля у Новосильцева проэктъ Татищева былъ прочитанъ по пунктамъ и подвергнутъ обсужденію, повидимому, очень оживленному. Хотя по первоначальному предложенію Голицына его слѣдовало подать на другой день, 3-го февраля, но этотъ срокъ прошелъ, а проэктъ генералитета все еще не былъ готовъ. 4-го февраля онъ еще разъ былъ читанъ и дополненъ на новомъ собраніи у того же Новосильцева. Тогда появились подъ нимъ и первыя подписи. Первые 39 человѣкъ, подписавшіеся подъ проэктомъ Татищева, и, очевидно, наиболѣе къ нему близкіе, всѣ принадлежали къ „генералитету“, приглашенному верховнымъ совѣтомъ на засѣданіе 2-го февраля. Это были люди наиболѣе подготовленные, чтобъ отнестись сознательно къ начавшемуся движенію. Очень многіе изъ нихъ побывали за границей: нѣкоторые тамъ воспитывались; боль-

шинство принимало ближайшее участіе въ реформаторской дѣятельности Петра Великаго. Теперь предстояло пропагандировать выработанный кружкомъ проэктъ въ болѣе широкихъ кругахъ шляхетства. На это и употреблены были, очевидно, ближайшіе дни. Проэктъ Татищева (или, какъ называютъ его по имени оффиціальнаго руководителя партіи,—проэктъ кн. Черкасскаго) былъ распространенъ въ нѣсколькихъ копіяхъ и собралъ еще 249 подписей, принадлежавшихъ къ гвардейскому и армейскому офицерству[1]).

Но рядомъ съ сочувствіемъ проэктъ Татищева вызвалъ и новыя противорѣчія. Татищевъ аппелировалъ къ „общенародію", а шляхетское общенародіе не думало признавать его предложеніе за окончательный результатъ своихъ разсужденій. Такимъ онъ былъ только для кружка Татищева; для значительнаго большинства остального шляхетства онъ послужилъ лишь ферментомъ дальнѣйшаго броженія, лишь исходной точкой новыхъ политическихъ споровъ и разногласій.

VIII.

Предложивъ генералитету подать свой проектъ новаго государственнаго устройства, совѣтъ нѣсколько дней ожидалъ представленія этого проекта. Самый протоколъ торжественнаго засѣданія 2 февраля оставался еще не подписаннымъ. Четвертаго февраля члены сената и генералитета начали давать свои подписи[2]). На слѣдующій день, 5-го февраля, внесенъ былъ въ совѣтъ и проектъ Татищева съ 39-ю подписями членовъ генералитета. „*А которые не согласны,*—читаемъ мы въ журналѣ совѣта,—тѣмъ велѣно изготовить и для совѣта

[1]) „Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ", какъ называется проэктъ Татищева,—напечатано въ той окончательной формѣ, какую оно приняло 4-го февраля, въ литературномъ сборникѣ „Утро" за 1859 годъ.

[2]) Въ этотъ день подписалось подъ протоколомъ 69 человѣкъ.

призвать въ сенатъ (?) еще изъ знатныхъ фамилій шляхетство *въ рангахъ и безъ ранговъ*... "Другими словами, вмѣсто того, чтобъ ограничиться принятіемъ къ свѣдѣнію проекта генералитета, совѣтъ неожиданнымъ образомъ шелъ на *новую уступку*. Признавъ 2-го февраля совѣщательный голосъ за генералитетомъ, онъ признавалъ его теперь за всѣмъ шляхетствомъ „знатныхъ фамилій", въ чинахъ и безъ чиновъ. Онъ предлагалъ, такимъ образомъ, оффиціально московскому шляхетству высказать свои мнѣнія, несогласныя съ мнѣніемъ Татищевскаго кружка. Чѣмъ же объясняется этотъ новый шагъ въ политикѣ Голицына?

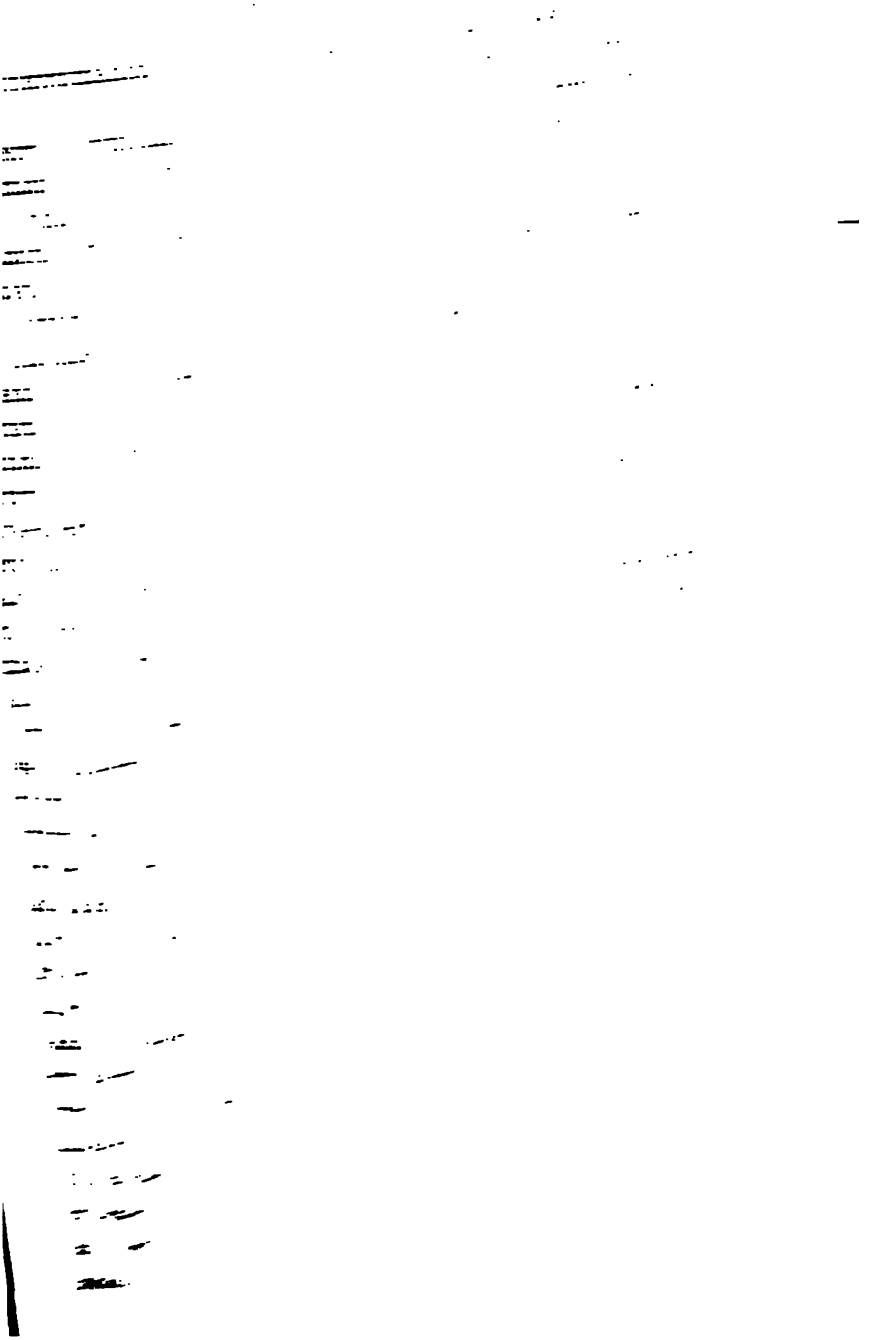
Какъ ни склонны мы признать значительную долю политическаго идеализма въ дѣйствіяхъ князя Голицына, но врядъ ли можно въ данномъ случаѣ предположить, чтобъ онъ хотѣлъ дѣйствительно отобрать, одно за другимъ, мнѣнія всѣхъ „чиновъ" Россіи относительно предположенной реформы. Обращаясь вслѣдъ за генералитетомъ къ шляхетству, онъ, разумѣется, руководился соображеніями практической политики. Дѣло въ томъ, что мнѣніе Татищева навѣрное не могло нравиться верховному совѣту, съ упраздненія котораго Татищевъ предполагалъ начать реформу. Въ видахъ собственнаго самосохраненія, верховники должны были попробовать опереться на мнѣнія кружковъ, несогласныхъ съ Татищевымъ. Вотъ почему они поспѣшили узаконить и оформить политическія пререканія среди шляхетства. Привлекая этимъ къ движенію нерѣшительныхъ, они могли разсчитывать, что масса будетъ умѣреннѣе въ своихъ политическихъ вожделѣніяхъ, чѣмъ ея передовые представители.

Шляхетство съ своей стороны имѣло тоже причины быть недовольнымъ проектомъ Татищева. Мы видѣли, что въ этомъ проектѣ вся власть сосредоточивалась въ рукахъ *высшаго чиновничества*, которое само себя пополняло и не выпускало изъ своихъ рукъ

законодательной иниціативы. Отъ такого порядка шляхетство выигрывало, конечно, такъ же мало, какъ отъ проекта Голицына. Собственно организація сословнаго представительства была у Голицына поставлена даже на болѣе широкихъ основаніяхъ, чѣмъ у Татищева; только права Голицынскихъ сословныхъ палатъ были значительно уже правъ „нижняго правительства" Татищева. Естественно, что среди шляхетства возникло желаніе—соединить болѣе широкую организацію представительства, чѣмъ у Татищева, съ болѣе широкими правами представителей, чѣмъ въ проектѣ верховнаго совѣта. Стремленія этого рода должны были возникнуть совершенно независимо отъ недовольства Татищевскимъ проектомъ верховниковъ.

Мнѣніе этихъ недовольныхъ, *независимыхъ отъ воздѣйствія совѣта*, не дошло, однако, до насъ въ формѣ какого-либо выработаннаго проекта. Сохранился только обрывокъ, или, какъ его называетъ пр. Корсаковъ, „конспектъ шляхетскихъ совѣщаній", составители котораго соглашаются съ предположеніемъ Татищева—уничтожить верховный совѣтъ—и въ то же время хотятъ итти дальше Татищева въ выработкѣ новаго порядка. Они не удовлетворяются той системой кооптаціи, которою пополнялся составъ высшихъ учрежденій по проекту Татищева, и желаютъ болѣе широкой организаціи учредительной и законодательной власти. Составъ сената они хотятъ увеличить до 30 членовъ; выбирать новыхъ членовъ въ сенатъ и коллегіи предлагаютъ „обществомъ", и „впредь что потребно къ исправленію и къ пользѣ государственной явится", проектируютъ „сочинить *сейму* и утвердить обществомъ" (безъ участія сената).

Огромное большинство шляхетства выбрало *иной путь*. Къ этому большинству обращено было приглашеніе верховниковъ—высказать свое несогласіе съ проектомъ Татищева,—и разсчетъ совѣта оказался до нѣкоторой степени вѣрнымъ. Шляхетское большинство,



о льготахъ для другихъ сословій, съ прибавленіями относительно крестьянъ (облегченіе въ податяхъ) и солдатъ („порядочное произвожденіе“).

Подъ изложеннымъ проектомъ въ трехъ его копіяхъ, извѣстныхъ подъ названіями проектовъ Секіотова, Максима Грекова и Алабердеева[1]), подписалось значительное большинство шляхетства, всего до 743 лицъ, т. е. въ 2½ раза больше, чѣмъ подъ проектомъ Татищева (288). Уступки этого проекта радикальнымъ мнѣніямъ были, какъ видимъ, довольно значительны; напротивъ, уступки совѣту, въ сущности, фиктивны. Естественно, что верховники не могли примириться на этомъ компромиссѣ и попытались *добиться большаго*. Помимо разрѣшенія, даннаго 5-го февраля знатному шляхетству, совѣтъ призвалъ черезъ день (7-го февраля) бригадировъ и статскихъ совѣтниковъ[2]) и объявилъ имъ, чтобъ они „извѣстное свое мнѣніе написали“. Есть всѣ основанія думать, что этому новому приглашенію предшествовали частные переговоры объ уступкахъ съ наиболѣе вліятельными или чиновными лицами. По крайней мѣрѣ, въ тотъ же день, 7-го февраля, внесено было въ совѣтъ первое отдѣльное мнѣніе И. И. Дмитріева-Мамонова, за которымъ послѣдовали, кромѣ проекта большинства, другія отдѣльныя мнѣнія—графа И. А. Мусина-Пушкина, Колычова, М. А. Матюшкина. Къ этой же категоріи мнѣній слѣдуетъ отнести еще два проекта, подписанные 25-ю и 13-ю лицами (послѣдній, впрочемъ, не былъ внесенъ въ совѣтъ).

---

[1]) По фамиліямъ г рвыхъ, подписавшихъ каждую копію, лицъ. Всѣ три названныя лица подписали сперва проектъ Татищева, а затѣмъ, очевидно, съ цѣлью практическаго осуществленія главныхъ своихъ цѣлей, пошли на компромиссъ съ верховниками. За ними послѣдовали и многіе другіе сторонники Татищевскаго проекта.

[2]) Т. е. чины 5-го класса, не попавшіе въ засѣданіе 2-го февраля, въ которомъ участвовалъ только „генералитетъ“ (первые четыре ранга).

Всѣ эти проекты, отвѣчая на формальное приглашеніе верховниковъ отъ 7-го февраля, пытались найти почву для *дальнѣйшаго соглашенія съ совѣтомъ*. Проектъ большинства уже поставилъ сенатъ на то второстепенное мѣсто, на которомъ онъ стоялъ въ дѣйствующей практикѣ государственныхъ учрежденій. Но большинство продолжало, подобно Татищеву, требовать превращенія верховнаго совѣта въ высшее учрежденіе съ почти утроеннымъ числомъ членовъ. На этомъ пунктѣ отдѣльныя мнѣнія готовы были пойти на уступки. Вмѣсто 21 члена Мусинъ-Пушкинъ предлагаетъ ограничиться тѣмъ же числомъ 12-ти, какое предположено было для верховнаго совѣта въ проектѣ самого Голицына. Колычевъ въ своемъ мнѣніи увеличиваетъ эту цифру до 15-ти, „чтобъ ежели кто заболитъ или отлучится, отъ того въ правленіи замедленія за малолюдствомъ не было". Нельзя не замѣтить, что такая мотивировка увеличенія состава совѣта была уже очень скромной и даже врядъ ли искренней. Но и противъ такой скромной постановки вопроса возражаетъ въ своемъ проектѣ Матюшкинъ. Для важныхъ дѣлъ, по его замѣчанію, предполагается другое многолюдное собраніе, а для „повсядневнаго правленія" довольно и 12—13 членовъ въ составѣ совѣта. Итакъ, въ этомъ пунктѣ нѣкоторые представители шляхетства готовы были согласиться вполнѣ съ проектомъ Голицына. За то по вопросу болѣе существенному—объ организаціи учредительнаго, законодательнаго и избирательнаго собранія они уступаютъ немногое и остаются, въ сущности, при требованіяхъ шляхетскаго большинства. Всѣ эти проекты считаютъ необходимымъ *удержать* для важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ *собраніе всего „общества"* и расходятся только во мнѣніи, изъ кого это „общество" должно быть составлено. Одни (проекты Матюшкина и тринадцати) придерживаются мнѣнія большинства, что „верховное собраніе" должно состоять изъ всѣхъ

четырехъ корпорацій, т. е. совѣта, сената, генералитета и шляхетства. Другіе, болѣе радикальные, находятъ, очевидно, такой составъ „высшаго собранія“ черезчуръ чиновнымъ и исключаютъ изъ него сенатъ, а при выборахъ и совѣтъ (проектъ двадцати пяти). Только Мусинъ-Пушкинъ идетъ и въ этомъ случаѣ на компромиссъ съ совѣтомъ и предлагаетъ ограничить участіе шляхетства въ высшемъ собраніи „знатными“ изъ этого сословія. Болѣе уступчивыми оказываются разбираемые проекты въ вопросѣ о числѣ членовъ высшаго собранія. Для учредительнаго собранія количество членовъ остается, правда, неопредѣленнымъ; но для избирательнаго собранія проектъ тринадцати предлагаетъ (вмѣсто ста человѣкъ, предположенныхъ большинствомъ)—80 персонъ, Матюшкинъ понижаетъ эту цыфру до 70-ти. проектъ двадцати пяти—даже до 50 членовъ. Что касается способа избранія въ члены сената, синода и на высшія должности, нѣкоторые проекты и тутъ соглашаются на нѣкоторыя уступки. Сохраняя право участія въ избраніи за генералитетомъ и шляхетствомъ, Мусинъ-Пушкинъ и проектъ тринадцати ограничиваютъ это право выборомъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ совѣтъ производитъ назначеніе. Матюшкинъ согласенъ даже перевернуть этотъ порядокъ и предоставить назначеніе трехъ кандидатовъ совѣту, а выборъ одного изъ нихъ—„обществу“.

Всѣ эти и подобные споры разбили шляхетство на рядъ несогласныхъ группъ, пререканія между которыми принимали все болѣе острый характеръ. Въ этихъ пререканіяхъ прошло все время отъ торжественнаго засѣданія 2 февраля до пріѣзда императрицы (10 февраля). „Двери зала, гдѣ засѣдаетъ верховный совѣтъ Россіи,—писалъ Вестфаленъ въ донесеніи 9 февраля,—были открыты всю прошлую недѣлю для всѣхъ тѣхъ, кто пожелалъ бы заявить или предложить что-нибудь *за* или

противъ задуманнаго измѣненія старой формы правленія. Это право дано было изъ военныхъ чиновъ генераламъ, бригадирамъ до полковниковъ включительно; точно также и всѣ члены сената и другихъ коллегій всѣ имѣющіе полковничій рангъ, архіепископы, епископы и архимандриты были приглашены явиться, не всею корпораціей, а по три епископа и по три архимандрита заразъ. По этому поводу столько было наговорено хорошаго и дурного за и противъ реформы, съ такимъ ожесточеніемъ ее критиковали и защищали, что въ концѣ концовъ смятеніе достигло чрезвычайныхъ размѣровъ и можно было опасаться возстанія; но оба фельдмаршала не изъ такихъ людей, чтобы легко поддаться страху".

Въ послѣднихъ словахъ Вестфалена, можетъ быть, сохранился отголосокъ того настроенія, съ которымъ верховники слѣдили за разраставшимся движеніемъ, все болѣе грозившимъ ускользнуть изъ-подъ ихъ руководства. До сихъ поръ верховный совѣтъ только прислушивался къ мнѣніямъ партій, убѣждалъ ихъ сдѣлать уступки, отбиралъ отдѣльныя и коллективныя мнѣнія. Собирая этотъ матеріалъ и принимая его въ соображеніе, онъ пропустилъ всѣ сроки, предположенные для публикаціи его собственнаго проекта. Между тѣмъ, приближался срокъ пріѣзда императрицы. Ко времени этого пріѣзда на чемъ-нибудь надо было сговориться. Вѣроятно, въ виду этой спѣшности Голицынъ отложилъ на время выработку своей „формы правленія". Свои уступки шляхетству онъ ввелъ въ текстъ сочиненной имъ присяги, которую подданные должны были принести императрицѣ послѣ ея пріѣзда. Первый изъ 16-ти пунктовъ этой присяги формулировалъ обязанности верховнаго совѣта подлинными словами одного изъ представленныхъ совѣту проектовъ. Верховный тайный совѣтъ, по этому опредѣленію, существуетъ „не для иной какой собственной того собранія власти, точію для луч-

шей государственной пользы и управленія въ помощь ихъ имп. величествъ". „Не персоны управляютъ закономъ,—повторяетъ Голицынъ другую красивую фразу того же проекта,—но законъ управляетъ персонами". Изъ этого же проекта взяты въ присягу *слова о не выборѣ* кандидатовъ въ члены совѣта изъ „первыхъ фамилій, изъ генералитета и изъ шляхетства людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ", не болѣе двухъ отъ одной и той же фамиліи. Но въ самой *сути дѣла* никакой уступки не дѣлается: выборъ кандидатовъ, вмѣсто общаго собранія совѣта, сената и генералитета, передается совѣту и сенату. Для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ Голицынъ соглашается созывать собраніе болѣе широкаго состава, но въ такой формѣ, которая и эту уступку лишаетъ всякаго дѣйствительнаго значенія: Сенатъ, генералитетъ, коллежскіе чины и знатное шляхетство, а въ духовныхъ дѣлахъ также синодальные члены и архіереи[1]) *приглашаются въ совѣтъ* „для совѣту и разсужденія". Такимъ образомъ, всѣ эти корпораціи и общественныя группы получаютъ лишь *совѣщательный* голосъ. Второй пунктъ присяги возвращаетъ церкви архіерейскія и монастырскія вотчины, согласно желанію одного изъ проектовъ („Дополненіе къ способамъ"). Третій пунктъ принимаетъ предложеніе Мусина-Пушкина касательно устройства сената. Слѣдующіе 5 пунктовъ (4—8) перечисляютъ привилегіи шляхетства, удовлетворяя на этотъ разъ всѣмъ требованіямъ шляхетства, не исключая и Татищевскихъ, и даже прибавляя новыя уступки, о которыхъ вовсе нѣтъ заявленій въ извѣстныхъ намъ проектахъ. Именно дозволяется шляхетству, по окончаніи курса въ проектированныхъ „кадетскихъ ротахъ", поступать прямо офицерами въ гвардію. Принимаются въ соображеніе и желанія про-

[1]) Это—уступка анонимному мнѣнію, стоящему въ тѣсной связи съ запиской Мусина-Пушкина, стараго представителя „синодальной команды".

ектовъ по отношенію къ нижнимъ чинамъ, купечеству и крестьянству. Даже просьба о перенесеніи резиденціи въ Москву, высказанная Матюшкинымъ, принимается Голицынымъ, которому она, впрочемъ, должна была быть особенно пріятна. Кое-что Голицынъ позволилъ себѣ внести изъ своего проекта: наприм., постановленія объ отмѣнѣ конфискацій и смертной казни.

Таково было *послѣднее слово* верховнаго совѣта и крайній предѣлъ его уступокъ. Нечего и говорить, что уступки эти не повели къ желаемому примиренію. Шляхетство не находило въ нихъ главнаго—участія своихъ представителей въ выработкѣ новаго строя и въ пользованіи высшими правами государственной власти. Между тѣмъ, этого участія желали почти всѣ представленные шляхетствомъ проекты. Въ этомъ смыслѣ шляхетство сказало свое послѣднее слово еще раньше, чѣмъ составлена была присяга Голицына. До насъ дошла любопытная въ этомъ отношеніи записка, составленная „компаніей“ лицъ, недовольныхъ вообще тѣмъ направленіемъ, какое приняло обсужденіе проектированной государственной реформы. И по значительной освѣдомленности составителей этой записки въ вопросахъ политической организаціи, и по систематичности изложенія, и, наконецъ, по тожественности воззрѣній мы можемъ съ полною вѣроятностью предположить, что недовольною „компаніей“, составившею записку, былъ извѣстный намъ кружокъ Татищева. Мы видѣли, что проектъ Татищева заканчивался предложеніемъ передать его немедленно на разсмотрѣніе учредительной коммиссіи. Къ этому предложенію и возвращается компанія теперь, когда проектовъ насчитывалась уже цѣлая дюжина и когда становилось все болѣе очевиднымъ, что совѣтъ не хочетъ давать всѣмъ этимъ запискамъ иного значенія, кромѣ совѣщательнаго. Кружокъ Татищева предлагалъ теперь „способы, которыми, какъ видится, порядочнѣе, основательнѣе и тверже можно сочинить и утвердить извѣ-

стное толь важное и полезное всему народу дѣло". Способы эти состояли въ избраніи *изъ среды шляхетства коммиссіи* въ 20—30 человѣкъ для выработки новаго проекта, который бы замѣнилъ всѣ предложенные. Уполномоченные должны были получить письменные наказы отъ избирателей. Наблюденіе за „добрымъ порядкомъ" при преніяхъ должно было принадлежать спеціально выбраннымъ „двумъ особамъ", на обязанности которыхъ лежало „голоса давать" (т. е. разрѣшать слово ораторамъ) и унимать „шумъ и крикъ, а особливо брань". Для обсужденія спеціальныхъ частей проекта къ коммиссіи должны были быть присоединяемы выборные эксперты съ правами членовъ, отъ 4 до 6 по каждому спеціальному отдѣлу: для церковныхъ дѣлъ этихъ экспертовъ выбиралъ синодъ, для военныхъ и торговыхъ— военные люди и купечество; для вотчинныхъ и другихъ дѣлъ, распредѣленныхъ между коллегіями, тоже на правахъ членовъ, президенты и по 2—3 члена отъ соотвѣтствующихъ коллегій. Всякій пунктъ, разсмотрѣнный коммиссіей, пересматривается еще разъ коммиссіей вмѣстѣ съ сенатомъ и въ третій разъ обоими присутствіями вмѣстѣ съ верховнымъ совѣтомъ; и только послѣ троекратнаго обсужденія выработанный проектъ представляется особою делегаціей государынѣ, которая его „конфирмуетъ". Нельзя не замѣтить, что какъ идея приглашенія экспертовъ, такъ и порядокъ обсужденія проекта представляетъ дальнѣйшее развитіе мыслей, на которыхъ основана организація законодательной власти въ прежнемъ проектѣ Татищева.

Какъ видимъ, „Способы" предлагали все, чего недоставало разсужденіямъ шляхетства: спеціальный юридическій органъ, опредѣленный порядокъ обсужденія проекта и превращенія его въ государственный законъ. Содержаніе проекта могло быть, при этомъ порядкѣ, предрѣшаемо только въ видѣ наказовъ избирателей делегатамъ изъ шляхетства.

Таковъ, конечно, и долженъ былъ быть законный и логическій путь къ осуществленію предложенной реформы. Но было совершенно безполезно предлагать этотъ путь при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ совершались событія 1730 года. При наличныхъ условіяхъ рѣчь могла итти въ сущности не о легализаціи и упорядоченіи формы обсужденія, а о скорѣйшемъ закрѣпленіи его результатовъ. Нѣкоторая фикція легальности существовала только у верховнаго совѣта. Эта фикція получила свое оправданіе 2 февраля, благодаря согласію Анны на „кондиціи"; но мы видѣли, что согласіе это сами верховники (въ проектѣ отвѣта Анны) не рѣшались представить ничѣмъ инымъ, какъ добровольною милостью государыни, которая всегда могла быть взята назадъ. Право генералитета и шляхетства на обсужденіе реформы основывалось исключительно на разрѣшеніи, данномъ верховнымъ совѣтомъ; практически могло мало помочь то обстоятельство, что сами они считали это право „естественнымъ правомъ общенародія". При взаимномъ согласіи совѣта и шляхетства вопросъ о законности дѣйствій могъ не возникнуть, могъ молчаливо быть рѣшенъ къ общему удовольствію. Но, разъ возникло между ними неразрѣшимое противорѣчіе, совѣту оставалось отвергнуть мнѣніе шляхетства, какъ необязательное; шляхетству оставалось обратиться за новою делегаціей власти непосредственно къ самой государинѣ.

Оба исхода были испробованы, но постороннему наблюдателю ясно было съ самаго начала, что оба практически неосуществимы. Иностранные резиденты, считавшіе успѣхъ дѣла верховниковъ вполнѣ возможнымъ и вѣроятнымъ, начали сомнѣваться въ этомъ успѣхѣ, какъ только обнаружились между верховниками и шляхетствомъ внутреннія разногласія. Дитмеръ, въ своемъ донесеніи отъ 12 февраля, слѣдующимъ образомъ резюмировалъ разсказанныя нами выше событія: „Такъ какъ

члены совѣта хотятъ удержать одни всю власть, то существуетъ сильное недовольство среди дворянства по этому поводу. Но и дворянство раздѣлилось на двѣ части, одна изъ которыхъ сильно настаиваетъ на полученіи гарантій свободы и по этому поводу представила различные пункты, послѣ того какъ совѣтъ предложилъ, чтобы каждый подалъ мнѣніе о томъ, что можетъ служить ко благу государства. Эта партія желаетъ, чтобы совѣтъ состоялъ изъ 20 лицъ различныхъ фамилій, не болѣе двухъ изъ каждаго рода. Но другая часть, которою, повидимому, руководитъ самъ совѣтъ, назначаетъ въ совѣтъ 12 членовъ и свои пункты направляетъ къ тому, чтобы совѣтъ со временемъ могъ одинъ захватить себѣ власть [1]). Между лицами, болѣе всего возражавшими противъ власти совѣта, былъ князь Черкасскій, вслѣдствіе чего говорятъ даже, что ему предлагали мѣсто въ совѣтѣ, но онъ отказался. Къ чему все это приведетъ, нельзя еще сказать съ увѣренностью. Но я боюсь, что, вслѣдствіе возникшаго разногласія, все пойдетъ обратнымъ ходомъ и императрица сохранить самодержавіе". Такой же исходъ предсказываютъ въ своихъ донесеніяхъ Маньянъ и де-Лиріа. Таково было положеніе дѣла, когда, 10 февраля, императрица пріѣхала во Всесвятское.

IX.

Еще въ концѣ января (29) Дитмеръ замѣтилъ въ одной изъ своихъ депешъ, что „уже существуетъ партія, которая стремится къ сохраненію самодержавія, и

[1]) Со стороны, дѣйствительно, многимъ казалось, что вся суть спора сводилась къ разногласію о количествѣ членовъ въ будущемъ высшемъ государственномъ учрежденіи. Братъ извѣстнаго А. П. Волынскаго такимъ образомъ характеризовалъ смыслъ московскихъ событій въ письмѣ къ брату въ Казань: „шляхетство... спорили..., чтобы быть въ верховномъ совѣтѣ двадцати одной персонѣ, и выбирать оныхъ баллотированіемъ, а большіе не хотѣли онаго,—чтобы по ихъ желанію было восемь персонъ".

къ ней примыкаютъ, повидимому, нѣсколько фамилій родственныхъ государынѣ". Тогда же онъ сдѣлалъ и вѣроятное предположеніе, что партія эта „ждетъ только прибытія императрицы, чтобъ обнаружить свои намѣренія, которыя теперь держитъ про себя".

Дитмеръ былъ совершенно правъ. Нѣтъ надобности пересказывать всѣмъ извѣстныхъ фактовъ о сношеніяхъ съ императрицей Ѳеофана, Левенвольде, Ягужинскаго и т. д. Замѣтимъ только, что цѣлый рядъ мелкихъ фактовъ разрѣшался еще до пріѣзда Анны въ томъ смыслѣ, какъ будто бы Анна сохраняла самодержавіе. Такъ, духовенство, по собственному почину, начало поминать Анну на ектеніяхъ съ титуломъ самодержицы, и совѣтъ не рѣшился запретить этого. Точно также онъ не рѣшился отступить отъ обычныхъ формулъ въ манифестѣ о восшествіи на престолъ новой государыни. Свою нерѣшительность въ этихъ случаяхъ совѣтъ прикрывалъ тѣмъ соображеніемъ, что народъ могъ бы считать ограниченіе власти Анны вынужденнымъ верховниками, если бы совѣтъ опубликовалъ объ этомъ ограниченіи раньше пріѣзда въ Москву самой императрицы. Но и послѣ пріѣзда Анны дѣйствія совѣта не сдѣлались рѣшительнѣе. Верховники выжидали, чтобы Анна сама признала оффиціально новую форму правленія, а императрица не только затягивала это признаніе, но, при случаѣ, не стѣснялась дѣйствовать какъ самодержавная государыня. Не далѣе, какъ черезъ день послѣ своего прибытія во Всесвятское, принимая тамъ батальонъ преображенцевъ и отрядъ кавалергардовъ, Анна объявила себя полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ, т. е. прямо нарушила 4-й пунктъ, подписанныхъ ею „кондицій".

Это происшествіе, обратившее на себя всеобщее вниманіе, произошло 12 февраля, а 14-го—верховный совѣтъ представлялся императрицѣ, и Голицынъ сказалъ

при этомъ рѣчь, въ которой, если вѣрить Вестфалену, подчеркнулъ, что подписанныя Анной кондиціи „нашимъ именемъ предложили тебѣ наши депутаты". Императрица подтвердила въ своемъ отвѣтѣ, что будетъ соблюдать подписанныя условія всю жизнь. На слѣдующій день, 15 февраля, состоялся торжественный въѣздъ Анны въ Москву. Съ 20-го числа началась присяга новой императрицѣ. Противники верховниковъ ожидали отъ нихъ при этомъ случаѣ чего-нибудь рѣшительнаго; синодъ не хотѣлъ приводить къ присягѣ. не зная ея текста, а Ѳеофанъ говорилъ духовенству и народу увѣщанія о святости и важности этого акта. Но опасенія и предосторожности Ѳеофана оказались излишними. Въ формулѣ присяги, составленной за два дня до этого верховнымъ совѣтомъ, не было и помину о какихъ-либо подробностяхъ конституціоннаго проекта Голицына. Всѣ нововведенія сводились къ тому, что кромѣ государыни подданные должны были присягать „и государству" (или въ другомъ мѣстѣ присяги „отечеству") и обѣщали охранять его „пользу и благополучіе"; затѣмъ, выраженія, означающія самодержавіе, были исключены. Такъ какъ противники верховнаго совѣта ожидали, что верховники попытаются провести свою прежнюю формулу присяги, намъ извѣстную, то новая формула ихъ обезоружила; они „разсудили", что эта формула „верховникамъ не къ пользѣ", и рѣшили „принять оную снисходительно".

Очевидно, вліяніе на ходъ событій все болѣе ускользало изъ рукъ верховниковъ. По мѣрѣ того, какъ обнаруживалась ихъ слабость, и дѣйствія ихъ противниковъ становились все болѣе рѣшительными. Немедленно послѣ прибытія Анны они принялись за самую дѣятельную пропаганду. Пускались въ ходъ памфлеты, въ родѣ извѣстнаго письма, приписывавшагося Волынскому: авторъ обвиняетъ здѣсь верховниковъ въ желаніи ввести республику и старается подѣйствовать на сослов-

ный эгоизмъ шляхетства. „Нѣкоторые наиболѣе хитрые люди изъ духовенства,—писалъ Маньянъ[1]),—дѣлали всякія усилія, чтобы возстановить мелкое дворянство противъ верховнаго совѣта, главныхъ членовъ котораго изображали злодѣями, желавшими измѣнить форму правленія только для того, чтобы самимъ завладѣть верховною властью, вслѣдствіе чего рабское положеніе шляхетства стало бы еще невыносимѣе, чѣмъ при сохраненіи самодержавія государыни". Дѣйствительно, Ѳеофанъ не жалѣлъ красокъ, чтобы подѣйствовать на воображеніе своей партіи. И въ публичной проповѣди и еще болѣе въ частныхъ разговорахъ онъ распространялся на тему, что князь Василій Лукичъ, „какъ бы нѣкій драконъ, охраняетъ императрицу неприступну"; что „безъ воли его она ни въ чемъ не вольна и неизвѣстно, жива ли, а если жива, то насилу дышетъ"; что „оные тираны имѣютъ государыню за тѣнь государыни, а между тѣмъ злѣйшее нѣчто помышляютъ, чего другимъ и догадываться нельзя". „Сія и симъ подобная, когда вездѣ говорено,—замѣчаетъ Ѳеофанъ о плодахъ своихъ усилій,—ожила другой компаніи ревность и жесточае, нежели прежде, воспламенялась". Во главѣ этой „компаніи", дѣйствительно, какъ ожидалъ Дитмеръ, стали родственники императрицы: сенаторъ Салтыковъ, обиженный верховниками, сенаторъ Трубецкой съ братомъ, генералы: кн. Барятинскій, кн. Юсуповъ, Чернышевъ. Но самымъ наглядным признакомъ усиленія партіи самодержавія можетъ служить поведеніе Остермана, въ кабинетѣ котораго сходились всѣ нити монархической агитаціи. Все время больной, или притворявшійся больнымъ, и даже причащавшійся, онъ вдругъ перешелъ изъ выжидательной роли въ активную: наступалъ, очевидно, и по его наблюденіямъ удобный моментъ для рѣшительныхъ дѣйствій.

1) Страннымъ образомъ, этой депеши отъ 3-го апрѣля не находимъ въ Сборникѣ Истор. Общества.

Положеніе верховниковъ становилось, дѣйствительно, съ каждымъ днемъ все затруднительнѣе. Наблюденіе за императрицей, трудное уже на пути изъ Митавы, стало еще труднѣе во Всесвятскомъ, а послѣ переѣзда Анны въ кремлевскій дворецъ и окончательно сдѣлалось невозможнымъ, хотя В. Л. Долгорукій и занялъ здѣсь комнаты сосѣднія съ императрицей. Если было еще возможнымъ спасти свое положеніе и удержать сдѣланныя Анной уступки, то, конечно, единственнымъ путемъ,—путемъ соглашенія съ конституціонною партіей шляхетства. Въ этомъ направленіи совѣтъ и пытается дѣлать послѣднія отчаянныя усилія. „Я не хочу выдавать за несомнѣнное,—писалъ Моріанъ, 13 февраля, изъ С.-Петербурга,—но мнѣ по секрету сообщено, что Голицынъ и Долгорукій, съ согласія большей части совѣта, собрали подписи знатнѣйшихъ фамилій и чиновничества въ томъ, чтобы дѣйствовать сообща". Дѣйствительно, верховный совѣтъ сдѣлалъ извлеченія изъ голицынской присяги, выбравъ тѣ мѣста, которыя больше всего *походили на уступки* шляхетству, и подъ этимъ документомъ успѣлъ соединить 97 подписей, въ томъ числѣ подписи многихъ авторовъ отдѣльныхъ мнѣній и лицъ, подписавшихся подъ другими проектами. Содержаніе этого документа показывало, однако, что и въ эту рѣшительную минуту Голицынъ не хотѣлъ сдѣлать шляхетству *никакихъ новыхъ* уступокъ. Менѣе доктринеръ и болѣе практикъ, чѣмъ князь Голицынъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій теперь готовъ былъ, однако, итти дальше. Сохранилась копія съ его наброска, въ которомъ онъ соглашался на всѣ важнѣйшія требованія шляхетства, т. е. и на увеличеніе числа членовъ совѣта, и на разсмотрѣніе общественныхъ нуждъ, съ доклада государыни, выборными представителями отъ шляхетства, „чтобы народъ узналъ, что къ пользѣ народной дѣла начинать хотятъ". „Чтобы убѣгнуть разногласія", онъ готовъ былъ теперь и выборъ дополни-

тельныхъ членовъ въ совѣтъ произвести, какъ требовали проекты, по соглашенію съ сенатомъ и генералитетомъ. Для охраны интересовъ совѣта онъ только предполагалъ принять мѣры предосторожности при выборѣ депутатовъ отъ генералитета и шляхетства и оставить за совѣтомъ право опредѣлить предметы обсужденія въ собраніи представителей.

На этой почвѣ, можетъ быть, можно было дѣйствительно „избѣгнуть трудностей и нареканій„ и „удовольствовать народъ", если бы совѣтъ *началъ* съ этихъ уступокъ. Но теперь было уже слишкомъ поздно. Конституціонное шляхетство, дѣйствительно, представляло силу, съ которой надо было считаться; но эту силу удалось склонить на свою сторону партіи самодержавія.

Въ этомъ союзѣ не было, въ сущности, ничего удивительнаго. Важнѣйшее желаніе шляхетства, созывъ учредительнаго собранія, если бы даже на него согласился верховный совѣтъ, все равно не могло быть осуществлено безъ согласія государыни. Другое же желаніе шляхетскаго большинства, замѣна совѣта новымъ учрежденіемъ изъ 21 члена, прямо ставило все это шляхетство въ ряды противниковъ верховнаго совѣта: исключались только немногіе авторы особыхъ мнѣній. Далѣе мы видѣли, что въ теоріи Татищева самодержавная власть отлично уживалась рядомъ съ конституціоннымъ проектомъ; стать на сторону самодержавія для него и для его партіи, стало быть, вовсе *не значило отказаться* отъ конституціонныхъ стремленій. (Таково же, мы думаемъ, было и положеніе Ягужинскаго). Съ другой стороны, многіе изъ сторонниковъ Татищева присоединились послѣ 2-го февраля къ его партіи, несомнѣнно, только потому, что эта партія была враждебна верховному совѣту и требовала его уничтоженія. Въ лицѣ многихъ своихъ представителей, такимъ образомъ, конституціонная партія сливалась съ монархической. Историкъ Щербатовъ прямо считаетъ самого Татищева ближайшимъ

сотрудникомъ Ѳеофана и Кантемира по возстановленію самодержавія. При всѣхъ этихъ условіяхъ Остерману было не трудно убѣдить главу партіи, кн. Черкасскаго, что все, чего хочетъ шляхетство, оно всего скорѣе *получитъ отъ самой императрицы*; стоитъ только обратиться къ ней съ прошеніемъ уничтожить верховный совѣтъ, возстановить сенатъ и дозволить шляхетству выработать на основаніи всѣхъ поданныхъ проектовъ общій планъ государственныхъ преобразованій. Мы знаемъ, что ничего другого и не добивался кружокъ Татищева, какъ въ своемъ проектѣ, такъ и въ поданныхъ совѣту „Способахъ". Естественно, что эта партія присоединилась въ лицѣ своихъ вождей къ партіи самодержавія; къ ней же должно было присоединиться и то огромное большинство шляхетства, которому до сихъ поръ мѣшала требовать уничтоженія верховнаго совѣта только его умѣренность. *Уничтоженіе совѣта и сдѣлалось общимъ лозунгомъ* всѣхъ соединившихся партій: различіе же между ними было пока отодвинуто на задній планъ.

Такимъ образомъ, этотъ ловкій политическій маневръ—примиреніе партій, о которомъ тщетно хлопотало до сихъ поръ столько лицъ, состоялось, какъ видимъ, благодаря политикѣ Остермана. Въ игрѣ партій этотъ союзъ былъ рѣшительнымъ ходомъ, послѣ котораго дѣло верховниковъ было окончательно проиграно. Членамъ совѣта оставалось признаться въ этомъ самимъ себѣ и поспѣшить самимъ принять на себя инициативу дѣйствій, которыя въ противномъ случаѣ все равно были бы предприняты помимо нихъ и противъ нихъ. Лефортъ, обыкновенно хорошо освѣдомленный, сообщаетъ намъ, что за день до окончательной развязки верховники рѣшились объявить императрицу самодержавной, но она отвѣчала имъ, что для нея слишкомъ мало—быть объявленной самодержицей только восемью лицами. Любопытно, что, по другому извѣстію, въ тотъ же вечеръ (24 февраля) Остерманъ сообщилъ своимъ сто-

ронникамъ совершенно противоположныя свѣдѣнія. Онъ далъ знать имъ, что князь Василій Лукичъ, чтобы привести дѣло къ развязкѣ, только что представилъ императрицѣ для подписи списокъ лицъ, числомъ до 100, которыхъ предполагалось подвергнуть аресту. Было ли это сообщеніе вѣрно и былъ ли князь Василій Лукичъ, въ самомъ дѣлѣ, настолько наивенъ, чтобы надѣяться въ подобную минуту получить согласіе Анны на арестъ ея важнѣйшихъ сторонниковъ, или же пущенный Остерманомъ слухъ былъ просто новымъ ловкимъ ходомъ въ его игрѣ,—этого вопроса намъ никогда не разрѣшить съ помощью подлинныхъ документовъ. Несомнѣнно только то, что если Остерманъ, подготовивъ дѣйствующихъ лицъ, хотѣлъ самъ дать этимъ извѣстіемъ и сигналъ къ началу дѣйствія,—онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи какъ нельзя лучше. Провозглашеніе самодержавія Анны Іоанновны, отлагавшееся сперва по нѣкоторымъ извѣстіямъ до ея коронаціи въ апрѣлѣ, рѣшено было, подъ впечатлѣніемъ сенсаціоннаго слуха, пущеннаго Остерманомъ,—произвести немедленно.

X.

23 февраля, то-есть за день до предполагаемаго сообщенія Остермана, обѣ соединившіяся партіи шляхетства, конституціонная и монархическая, собрались въ двухъ квартирахъ своихъ вождей: у князя И. Ѳ. Барятинскаго на Моховой и у кн. А. М. Черкасскаго на Никольской. На Моховой принято было рѣшеніе—просить Анну принять самодержавіе, уничтожить совѣтъ и „кондиціи“ и возстановить сенатъ. И по мѣсту собранія, и по характеру рѣшеній—это было, надо думать, собраніе монархической партіи шляхетства. Но что партія эта желала дѣйствовать въ согласіи съ партіей конституціонной, видно изъ того, что она послала на Никольскую къ кн. Черкасскому парламентера и что парла-

ментеромъ этимъ былъ выбранъ В. Н. Татищевъ. Кружокъ, собравшійся у Черкасскаго, не сразу, однако же, согласился съ рѣшеніями кружка Барятинскаго. Послѣ долгихъ разсужденій, присутствовавшій въ собраніи кн. Антіохъ Кантемиръ, извѣстный писатель, тогда еще очень молодой человѣкъ, ухаживавшій за дочерью хозяина, убѣдилъ, наконецъ, нѣкоторыхъ лицъ подписать челобитную о самодержавіи и тутъ же написалъ ее на-бѣло. Челобитную повезли затѣмъ въ домъ кн. Барятинскаго и собрали тамъ 74 подписи. Кружокъ Черкасскаго дожидался исхода дѣла. Уже въ первомъ часу ночи всѣ подписавшіе челобитную у Барятинскаго пріѣхали на Никольскую и здѣсь челобитная быстро покрылась еще 93-ми подписями. Для собиранія дальнѣйшихъ подписей Кантемиръ и гр. Матвѣевъ поѣхали въ гвардейскія и кавалергардскія казармы и тамъ собрали еще 95 подписей офицеровъ и кавалергардовъ. 24-е число прошло въ этомъ собираніи подписей и въ другихъ приготовленіяхъ къ перевороту. Къ вечеру послана была къ государынѣ Прасковья Юрьевна Салтыкова[1]) „съ тою вѣдомостію, что согласилися". Очевидно, съ вѣдома и согласія Анны переворотъ былъ назначенъ на слѣдующій день. Дворецъ былъ заблаговременно оцѣпленъ войсками, команда надъ которыми была поручена родственнику императрицы, майору гвардіи С. Салтыкову. Начальникъ дворцоваго караула получилъ приказаніе никого, кромѣ Салтыкова, не слушаться. „Такъ прекратилась власть при дворѣ кн. Вас. Долгорукова", прибавляетъ при этомъ извѣстіи Лефортъ. Само собою разумѣется, что вся эта агитація и приготовленія не могли остаться неизвѣстны верховникамъ: ими, очевидно, и объясняются тѣ крайнія мѣры, о которыхъ дошли до

[1]) Историкъ Щербатовъ разсказываетъ, что Салтыкова, свояченица Черкасскаго, и прежде была посредницей между Анной и недовольными и „нашла способъ... наединѣ ей записку о начинающихся намѣреніяхъ сообщить".

насъ слухи и одну изъ которыхъ (а можетъ быть обѣ сразу?) хотѣли будто бы предпринять верховники, т. е. провозгласить самодержавіе Анны и арестовать сторонниковъ ея неограниченной власти.

Событія слѣдующаго дня по нѣсколько разъ описывались каждымъ изъ иностранныхъ резидентовъ и вообще о нихъ ходила масса самыхъ разнообразныхъ разсказовъ. И, несмотря на это,—а отчасти, конечно, и благодаря этому,—мы не можемъ себѣ составить по этимъ разсказамъ вполнѣ отчетливаго представленія о ходѣ событій. Изъ сопоставленія всѣхъ разнорѣчивыхъ сообщеній выясняется приблизительно слѣдующее.

Утромъ 25 февраля шляхетскій кружокъ Черкасскаго условился собраться по одиночкѣ въ пріемныхъ комнатахъ кремлевскаго дворца. Такимъ же образомъ условился и кн. Юсуповъ съ своими гвардейскими офицерами. Къ десяти часамъ утра, „по отпѣтіи молебна“, оба кружка были въ сборѣ, въ числѣ 150—200 человѣкъ, и попросили аудіенціи у императрицы. Анна Ивановна велѣла позвать въ залу и членовъ верховнаго совѣта[1]). Затѣмъ В. Н. Татищевъ прочелъ челобитную, переданную Аннѣ кн. Черкасскимъ. Выразивъ благодарность за подписаніе пунктовъ, челобитчики заявляли, что „въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ тѣхъ пунктовъ находятся сумнительства такія, что большая часть народа состоитъ въ страхѣ предбудущаго безпокойства“. Они прибавляли, что уже подали по этому поводу свое „мнѣніе“ верховному совѣту „съ подобающею честью и смиреніемъ“, прося его учредить форму государственнаго правленія по большинству голосовъ, но что совѣтъ „еще о томъ не разсудилъ“, отъ многихъ не принялъ и мнѣній и объявилъ „что того безъ воли Вашего Имп. Величества учинить невозможно“. По всѣмъ

[1]) По словамъ Татищева, „кн. Василій Лукичъ Долгорукій просилъ ее прилежно, чтобы она ихъ (т. е. шляхетство) не допущала, обѣщевая, что верховный тайный совѣтъ ей самовластіе возвратитъ“.

этимъ причинамъ челобитчики просили императрицу, „дабы всемилостивѣйше по поданнымъ отъ насъ и прочихъ мнѣніямъ соизволила собраться всему генералитету, офицерамъ и шляхеству, по одному или по два отъ фамилій, разсмотрѣть и всѣ обстоятельства изслѣдовать, согласнымъ мнѣніемъ по большимъ голосамъ форму правленія государственнаго сочинить и Вашему Величеству къ утвержденію представить". Другими словами, кружокъ Татищева возобновлялъ отъ имени всего шляхества просьбу, представленную въ совѣтъ въ извѣстныхъ намъ „Способахъ". Въ заключеніе челобитчики извинялись за малое количество подписей и объясняли его тѣмъ, что они „собраться для подписи опасны, а согласуетъ большая часть". Подъ челобитной было 87 подписей. И по этому, и по самому содержанію очевидно, что прочтенная челобитная была *не та*, которую составилъ 23 числа Кантемиръ. Несомнѣнно также по количеству подписей, что заявленіе Татищева было подписано даже не всѣми присутствовавшими при аудіенціи. Въ виду всего этого нельзя не повѣрить герцогу де-Лиріа, который, сдѣлавши дополнительныя справки о событіяхъ 25 февраля и исправляя свой прежній разсказъ о нихъ, сообщаетъ, что были поданы *двѣ* просьбы: одна князя Черкасскаго, „подписанная множествомъ дворянъ" и другая князя Юсупова, „въ томъ же тонѣ", подписанная всѣми офицерами гвардіи. Вторая просьба и была, очевидно, заявленіемъ монархической партіи. Но прочитана была вслухъ, повидимому, только одна челобитная Черкасскаго, а до чтенія другой дѣло не дошло въ виду смущенія, вызваннаго содержаніемъ первой. Несомнѣнно, челобитная прочитанная Татищевымъ, содержала совсѣмъ *не то, чего ожидала* императрица. Она ожидала просьбы о возстановленіи самодержавія, а должна была выслушать прошеніе объ организаціи учредительнаго собранія. Анна Іоанновна совершенно растерялась. Среди послѣдовавшаго замѣша-

тельства слышались голоса, особенно изъ среды гвардейскихъ офицеровъ, что слѣдуетъ возстановить самодержавіе; другіе голоса имъ возражали. Поднялся шумъ. Тогда кн. Василій Лукичъ сдѣлалъ попытку вмѣшаться: „Кто вамъ позволилъ присвоить себѣ законодательную власть?"—спросилъ онъ Черкасскаго.—„Государыня вами обманута,—отвѣчалъ Черкасскій: – вы увѣряли ее, что кондиціи составлены съ согласія всѣхъ чиновъ, а это было сдѣлано безъ нашего вѣдома и участія". Долгорукій обратился тогда къ Аннѣ, совѣтуя ей удалиться въ кабинетъ и тамъ обсудить прошеніе шляхетства. Раздраженіе офицеровъ, вполнѣ понятное, если, дѣйствительно, ихъ челобитная не была прочитана, возрастало: сцена рисковала закончиться свалкой и кровопролитіемъ. Императрица оставалась въ колебаніи. Въ эту рѣшительную минуту Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбургская, бросилась къ сестрѣ съ перомъ и чернилами. „Нечего теперь разсуждать,—говорила она,—подпиши скорѣй: я отвѣчаю за это; если придется поплатиться жизнью, я буду первой жертвой". Анна Ивановна машинально взяла у нея изъ рукъ перо и подписала на челобитной „быть по сему". Такимъ образомъ, самый напряженный моментъ прошелъ. Придя нѣсколько въ себя, Анна велѣла шляхетству *снова обсудить* свою челобитную и въ тотъ же день сообщить ей свое рѣшеніе. Шляхетство удалилось послѣ того въ другую залу дворца. Верховники были приглашены Анною на обѣдъ и, такимъ образомъ, благовидно арестованы. Въ пріемной аудіенцъ-залѣ остались одни гвардейскіе офицеры, которые дали теперь волю своему раздраженію. „Мы не хотимъ,—кричали они,—чтобы государынѣ предписывали законы; она должна быть такой же самодержавной, какъ ея предки". Волненіе настолько усилилось, что Анна должна была сама выйти и приказать офицерамъ слушаться Салтыкова. Офицеры, бросаясь къ ногамъ императрицы, кричали, что они готовы

пожертвовать за нее жизнью, но не потерпять ея злодѣевъ. Сцена кончилась тѣмъ, что офицеры съ Салтыковымъ во главѣ, привѣтствовали Анну самодержавной императрицей.

Все происшедшее въ аудіенцъ-залѣ, конечно, тотчасъ же сдѣлалось извѣстно шляхетству и должно было оказать вліяніе на исходъ его совѣщанія. Вѣроятно къ этому времени относятся разсужденія, приведенныя въ спутанномъ разсказѣ Вестфалена. Юсуповъ заявилъ, по словамъ Вестфалена: мнѣ кажется, что снисходительность нашей всемилостивѣйшей государыни и ея обращеніе съ подданными вполнѣ заслуживаютъ съ нашей стороны выраженія живѣйшей признательности. Чернышевъ поддержалъ его: мы не можемъ лучше возблагодарить ее за всю ея доброту къ народу, какъ вернувъ то, что у ней отняли, т. е. самодержавіе и неограниченную власть, какими пользовались всѣ ея предки. Объ мысли, высказанныя Чернышевымъ и Юсуповымъ, легли въ основаніе *новой челобитной*, сочиненной теперь шляхетствомъ. „Когда В. И. В. всемилостивѣйше наволили пожаловать всепокорное наше прошеніе своеручно, для лучшаго утвержденія и пользы отечества нашего, сего числа подписать,—говорилось въ челобитной,—недостойныхъ себя признаемъ къ благодаренію... Однакожъ усердіе вѣрныхъ подданныхъ... побуждаетъ насъ по возможности нашей не показаться неблагодарными. Для того въ знакъ нашего благодарства всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство таково, какова Ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ В. И. В. отъ верховнаго совѣта и подписанные В. В. руковъ пункты уничтожить". Вторая половина челобитной заключаетъ въ себѣ конституціонныя требованія шляхетства. „Только всеподданнѣйше В. И. В. просимъ, чтобы соизволили сочинить вмѣсто верховнаго совѣта и высокаго сената—одинъ

правительствующій сенатъ, какъ при Его В. блаж. пам. дядѣ В. И. В. Петрѣ Первомъ было, и исполнить его довольнымъ числомъ, 21 персоною. Такожде нынѣ въ чины и впредь на упалыя мѣста (вакансіи) въ оный правительствующій сенатъ и въ губернаторы и въ президенты повелѣно бы было шляхетству выбирать баллотированіемъ, какъ-то при дядѣ В. И. В., Е. И. В. Петрѣ Первомъ установлено было. И при томъ всеподданнѣйше просимъ, чтобы *по Вашему всемилостивѣйшему подписанію* (т. е. согласно первой челобитной) *форму правительства государственнаго для предбудущихъ временъ нынѣ установить*".

Какъ видимъ, *формально* партія Черкасскаго ни отъ чего не отказалась изъ своихъ желаній, не исключая даже учредительнаго собранія изъ шляхетства. Но просьба объ этомъ была запрятана въ послѣднюю глухую фразу челобитной и предназначена къ тому, чтобъ остаться безъ исполненія. На первый же планъ выдвинута въ новой челобитной просьба о возстановленіи самодержавія.

Извѣстенъ результатъ подачи новой челобитной. Послѣ обѣда императрица съ верховниками вернулась въ аудіенцъ-залу. Челобитная вручена была на этотъ разъ кн. Трубецкимъ и прочитана Кантемиромъ. Выслушавъ ее, Анна спросила: согласны ли члены верховнаго совѣта, чтобъ я приняла предлагаемое мнѣ *моимъ народомъ*? Верховники молча наклонили головы. Затѣмъ Анна послала за пунктами и своимъ письмомъ въ канцелярію совѣта „и тѣ пункты Ея Величество при всемъ народѣ изволила, принявъ, разодрать".

XI.

Разсказъ о событіяхъ 1730 года былъ бы не полонъ, если бы мы остановились на уничтоженіи пунктовъ. Событія эти имѣли свой эпилогъ, о которомъ необходимо упомянуть въ заключеніе. Движеніе шляхетства не свелось на этотъ разъ къ разорванному клочку бумаги. Оно несомнѣнно—и не даромъ—свидѣтельствовало о пробужденіи политическаго и сословнаго самосознанія среди сословія, все болѣ становившагося господствующимъ въ государствѣ. Желанія этого сословія уже въ 1730 году выражены были настолько настойчиво и поддерживались такой компактною массой, что они не могли быть оставлены вовсе безъ вниманія правительствомъ. И Остерманъ не даромъ давалъ надежду на то, что шляхетскія желанія могутъ быть удовлетворены императрицей. Едва возстановивъ свою самодержавную власть, Анна Іоанновна удовлетворила первому изъ этихъ желаній, именно указомъ 4 марта верховный совѣтъ и высокій сенатъ были „оставлены“ и замѣнены правительствующимъ сенатомъ „въ той силѣ, какъ при дядѣ нашемъ блаж. и вѣчно-достойныя памяти Петрѣ Великомъ былъ“. Количество членовъ сената опредѣлено было, соотвѣтственно желанію шляхетства, въ 21; въ списокъ членовъ вошли всѣ верховники, кромѣ князя Ал. Гр. Долгорукаго, три фельдмаршала, многіе видные представители конституціонной партіи и авторы отдѣльныхъ мнѣній, шедшихъ на компромиссъ съ верховниками. Словомъ, „правительство пользовалось своей побѣдой съ чрезвычайною умѣренностью. „Конечно,“ болѣе проницательные тогда же предполагали, что назначеніе членовъ въ сенатъ сдѣлано для вида, чтобы дать время удалить негодныхъ членовъ. Вопросъ о возстановленіи баллотировки въ должности, „какъ при Петрѣ Первомъ установлено бы-

ло", рѣшенъ—по крайней мѣрѣ относительно офицеровъ—утвердительно указомъ 5 февр. 1731 года. Что касается сословныхъ льготъ шляхетства, отмѣненъ, согласно желанію шляхетства и обѣщаніямъ совѣта, законъ о майоратѣ (указъ 9-го декабря 1730 г.); учрежденъ, согласно обѣщанію Голицына, кадетскій корпусъ съ выпускомъ учащихся прямо въ офицеры и, наконецъ, установленъ, хотя и не надолго, манифестомъ 1736 года, 25-лѣтній срокъ шляхетской службы. Указомъ 21 марта 1736 г. было строго запрещено вотчинной коллегіи раздавать земли дворянамъ, что нельзя не поставить въ связь съ 6 пунктомъ „кондицій" (П. С. З. № 21, 536). Нельзя считать случайнымъ и то, что отъ времени Анны до насъ дошло наименьшее количество свѣдѣній о пожалованіяхъ населенныхъ земель дворянству. Вопросъ объ учредительномъ собраніи, конечно, не поднимался болѣе; но для окончанія задуманнаго Петромъ новаго „Уложенія" принятъ былъ знакомый намъ порядокъ обсужденія—сперва посредствомъ выборныхъ изъ шляхетства и экспертовъ изъ купечества и духовенства, потомъ въ соединенномъ засѣданіи этой коммиссіи и сената, послѣ чего обсужденныя части проекта должны были вноситься на утвержденіе государыни: легко замѣтить ,что порядокъ этотъ въ значительной степени подсказанъ идеями Татищевскаго проекта.

Такимъ образомъ, вліяніе идей и желаній, высказанныхъ въ политическихъ проектахъ 1730 года, на законодательство императрицы Анны, не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію. Въ этомъ отношеніи переворотъ 1730 года сдѣлалъ въ миніатюрѣ то же дѣло, какое сдѣлала въ большихъ размѣрахъ знаменитая Екатерининская коммиссія. Сравнивая оба эти эпизода нашей исторіи прошлаго вѣка, нельзя, однако же, не замѣтить, что за тридцать семь лѣтъ русское дворянство успѣло окончательно забыть объ нитересахъ „общенародія" и

войти во вкусъ сословныхъ привилегій. Перенеся центръ тяжести своихъ желаній отъ политической реформы къ реформѣ сословной, оно получило возможность дѣйствовать въ направленіи наименьшаго сопротивленія и въ духѣ усилившагося сословнаго эгоизма. Въ результатѣ—давленіе, такъ сказать, физіологическое оказалось гораздо дѣйствительнѣе давленія идейнаго, и русская исторія пошла далеко не тѣмъ путемъ, о которомъ мечтали руководители движенія 1730 года.

Изданія Н. Парамонова (Донская Рѣчь) въ Ростовѣ н/Д.

5. СЕРАФИМОВИЧЪ—Въ бурю . 3 к.
6. ЯБЛОНОВСКІЙ—Коноврадъ . 3 к.
7. ФРАНКО—На днѣ . . . 9 к.
8. КУПРИНЪ—Молохъ . 12 к.
9. Н.-ДАНЧЕНКО—Воскрес. пѣснь 5 к.
0. ВЕРЕСАЕВЪ—Повѣтріе . . 4 к.
1. БѢЛОКОНСКІЙ—Деревня Печальная . . . . 3 к.
2. ДМИТРІЕВА—Волки . . 3 к.
3². СЕРАФИМОВИЧЪ — Стенные люди . . . . . 3 к.
4. МИТРОПОЛЬСКІЙ—На плотахъ 3 к.
5. КОРОЛЕНКО—Черносъ . . 4 к.
6. ВЕРЕСАЕВЪ—Звѣзда (восточная сказка) . . . 1½ к.
7. ТЕЛЕШОВЪ—Противъ обычая 2 к.
8. ЯБЛОНОВСКІЙ—Въ консультаціи . . . . . 1 к.
9. Пѣсни труда . . . 5 к.
0. ТЕМНЫЙ—Сиротинъ . . 2 к.
1. Только часъ. КРАНДІЕВСКОЙ и др. расказы . . 10 к.
2. БУНИНЪ—Надъ городомъ . 1 к.
3. ЕЛПАТЬЕВСКІЙ — Отлетаетъ ной соколикъ . . . 3 к.
4. СТАНЮКОВИЧЪ—Эмигрантъ . 3 к.
5. Избранныя стихотворенія НАДСОНА и др. поэтовъ . . 3 к.
6. АНДРЕЕВЪ—Ангелочекъ . 3 к.
7. АНДРЕЕВЪ—Жили-были . 3 к.
8. СКИТАЛЕЦЪ—Атаманъ . . 2 к.
9. СЕРАФИМОВИЧЪ—Въ замышахъ . . . . . 2 к.
70. РУБАКИНЪ — Дѣдушка-Время 7 к.
71. ЯБЛОНОВСКІЙ — Зажѣтная мечта . . . . . 3 к.
72. ЕЛПАТЬЕВСКІЙ—Присяжные засѣдатели . . . . 2 к.
73. ВЕРЕСАЕВЪ—Къ спѣху . 1 к.
74. СЕРАФИМОВИЧЪ—На льдинѣ 3 к.
75. МЕЛЬШИНЪ—Маленькія люди 4 к.
76. БУЛГАКОВА—Что за страна Японія . . . . . 5 к.
77². ЯКОВЛЕВА—Свидѣтель . 8 к.
78. ТЕЛЕШОВЪ—Хлѣбъ-соль . 1½ к.
79. РУСОВА — На счастливыхъ островахъ . . . . 6 к.
80. КОРОЛЕНКО—Соколинецъ . 7 к.
81. ЧИРИКОВЪ—Коля и Колька . 2 к.
82. ЕЛЕОНСКІЙ.—Огорченіе . . 3 к.
83. РУСОВА—Братья Гракхи . 3 к.
84. ТЕЛЕШОВЪ—Нужда . . 1½ к.
85. Избранныя стихотворенія А. ТОЛСТОГО и др. поэтовъ . 3 к.
86. БОЖЕНКО—На войну . . 5 к.
87. ЗОЛЯ—Кровь . . . 3 к.
88. ТАБЪ—Елка въ Америкѣ . 2 к.
89. УСПЕНСКІЙ—Будни . . 3 к.
90. КОРОЛЕНКО — Мгновенье и Огоньки . . . . 3 к.
91. ПѢСНИ МИРА. — Сборникъ стихотвореній . . . 2 к.
92. Н.-Данченко — Соловьиная ночь . . . . . 1 к.
93. БѢЛОКОНСКІЙ — Страшное мѣсто . . . 1½ к.
94. МИРБО—Бродяга . . . 1 к.
95. ПОСТУПАЕТЪ—Пѣсни рабочей жизни . . . 10 к.
96. ТИМКОВСКІЙ—Травля . 5 к.
97. НАЖИВИНЪ — Богосъ Мадонны . . . . 1 к.
98. ФРАНКО—Къ свѣту . . 2 к.
99. ЧИРИКОВЪ—Въ отставку . 7 к.
100. ЗАРНИЦЫ. — Сборникъ стихотвореній . . . . 5 к.
101. АНДРЕЕВЪ—На станціи . 1 к.
102. БУНИНЪ—На краѣ свѣта 1½ к.
103. РУБАКИНЪ—Искорки . . 5 к.
104. КОРОЛЕНКО—Марусина заимка . . . . 10 к.
105. П. Я. (МЕЛЬШИНЪ)—Избранныя стихотворенія . . 6 к.
106. АНДРЕЕВЪ—Въ темную даль 3 к.
107. АНДРЕЕВЪ—Вали . . 2 к.
108. ВЕРЕСАЕВЪ—Объ одномъ домѣ 3 к.
109. КОРОЛЕНКО—Послѣдній лучъ 3 к.
110. КОРОЛЕНКО—Морозъ . . 4 к.
111. МЕЛЬШИНЪ—Въ плѣну . 3 к.
112. М.-СИБИРЯКЪ — Въ худыхъ душахъ . . . . 4 к.
113. ЧИРИКОВЪ—Бродячій мальчикъ . . . . . 5 к.
114. РУБАКИНЪ—Книгоноша 12 к.
115. Н. Короленко — Сказаніе о Флорѣ . . . . 3 к.
116. АНДРЕЕВЪ — Весенніе обѣщанія . . . . . 3 к.
117. НАЖИВИНЪ—Ложь. 1½ к.
118. СУЗДАЛЬЦЕВА — Остлеръ, другъ фабр. дѣтей . . 3 к.
119. КРЮКОВЪ—Въ родныя мѣста 5 к.
120. КОРОЛЕНКО—Сонъ Макара . 6 к.
121. КОНОПНИЦКАЯ—Янтонъ. 1½ к.
122. ЯБЛОНОВСКІЙ—Нужимъ. 3 к.
123. БУТОШИНЪ—Случай № 212 1 к.
124. РУСОВА—Какъ болгары добыли свободу . . . 6 к.
125. КОРОЛЕНКО—На затменіи 3 к.

[illegible]

Цѣна 15 коп.

Главный складъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону, Почтовый пер., 42.

Лица, выписывающія на 3 р. въ предѣлахъ Европ. Росс (просятъ деньги присылать впередъ, можно марками), за пересылку не платятъ.

Книжные магазины пользуются 30% скидкой; при заказѣ на 75 руб. (Европ. Рос.) по желѣзн. дор. пересылка принимается за счетъ издательства.

ОТДѢЛЕНІЯ:

Въ Петербургѣ—въ книжн. складѣ О. Н. Поповой, Невскій, 54.
Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ „Трухъ“, Тверская улица.
Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская ул.
Въ Кіевѣ, „ Саратовѣ, „ Харьковѣ — книжные склады губернскихъ земствъ.

Дозв. ценз. Ростовъ н-Д. Электро печатня А. Теръ Абраміана

Stockton, Calif.

DK 156 .M5
Verkhovniki i shliakhetsvo /
Stanford University Libraries
3 6105 041 479 200

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D MAY 1 2 1994
28D JUN 2 1 1994
JUL 2 1 1996